

Человек сам творит историю
своей болезни.

То, что нас убивает

Annotation

Норман Андерсон — парень, который на протяжении долгого периода своей жизни борется с неизлечимой болезнью. Сражение за существование с каждым днем забирает все больше энергии и сил, но Норман должен справиться... Или нет? В любом случае это будет зависеть от его желания и, пожалуй, обстоятельств.

"Наркотики — лекарство от жизни..."

Я открываю глаза. Лучи полуденного солнца едва касаются моей постели. В теле чувствуется некий дискомфорт. Взглянув на пол, мой взгляд остановился на разбросанных коробках модафинила. Проходит минут пять перед тем, как я осознаю, что произошло вчера.

— Милый, тебе не обязательно оставаться одному этой ночью, — голос моей матери как всегда был полон беспокойства и тревоги.

Проходя по длинным и довольно узким коридорам уже родной мне лаборатории, я оглядывался по сторонам. В одной из осматриваемых мною комнат лежал мужчина с сединой на висках и капельницей у койки, в другой — молодой парень, которого осматривала одна из медсестёр исследовательского центра. В конце коридора показались две фигуры. После нескольких секунд я смог разглядеть их: маленькая девочка в инвалидной коляске, которую медленно и аккуратно катила женщина, скорее всего, ее мать. Я пристально смотрел на ребенка и понял, что ее недуг в разы ужаснее и мучительнее, чем мой. Вскоре они подъехали ближе, и от девочки последовали следующие слова:

— Меня зовут Хейзел, а тебя как? — она протянула мне свою исхудавшую, сухую, венозную руку.

Меня будто шарахнуло током, ибо я не ожидал ни этих слов, ни того, что эта малышка вообще обратит на меня внимание. Я протянул ей свою руку, которая казалась намного массивнее и сильнее ее. Тихонько сжав ее пальчики, я ответил:

— Норман... Меня зовут Норман, детка, — я слабо улыбнулся, чтобы скрыть свою растерянность. Ее широкая улыбка, посланная мне в ответ, заставила меня расслабиться.

— А что значит Норман? Мое имя все сравнивают с лесным орехом, — внезапно она захохотала. — Мне кажется это очень забавным, а тебе?

Не зная что сказать, я лишь кивнул, слегка приподнимая уголки губ. Открыв рот, чтобы ответить девочке на вопрос, я услышал ледяной голос моей мамы:

— Извините, но нам пора.

— Ничего, я понимаю, простите меня за Хейзел, — поспешила мама малышки, развернула коляску прямо и поехала.

— До свидания, Норман! — крикнула Хейзел.

— До свидания, выздоравливай как можно скорее! — ответил я, а затем взглянул на маму. Заметив холод в ее глазах, прорычал: — Как можно быть такой равнодушной? Ты разве не заметила, что вместо ног у этого ребенка пара колес?

На мгновенье ее передернуло.

— Норман, эта девочка больна, разве ты не видишь? Не стоит еще больше и сильнее забивать ее в угол, из которого она никогда не сможет выбраться. Ты должен понимать, что...

— Да перестань нести бред! Я тоже болен, мама, ты не обязана решать за других. Людям нужны люди, они должны общаться, чтобы хоть как-то поддерживать связь с миром и обществом! Именно это позволяет нам, страдающим болезнями, дальше дышать, ходить, наслаждаться жизнью. Любой день может быть последним для нас, ты не должна лишать людей шанса на жизнь, — прошипел я и развернулся, чтобы уйти из этого, полного негатива,

места прочь.

— Вернись! — услышал я, но наплевал на ее возгласы.

Выбравшись на свежий воздух, мне стало тяжелее дышать, но я справлюсь, главное: быстрее оказаться дома, чтобы не стало хуже.

Так всегда происходит: она никогда не могла понять чувства и состояние больных, потому что сама никогда этого не испытывала, и, надеюсь, не испытает. Я не виню ее, но показывать такое бессердечие — не по мне. Знаю, что мама умеет сочувствовать другим людям, когда это необходимо, но почему нужно было сегодня поступать именно так?

Накинув пиджак на плечи, я медленно начал движение. Каждую неделю я вижу одни и те же улицы, лица и действия. С каждым днем становится труднее всего описать то, что видишь каждый день, то, что стало привычным. Моя семья живет в Конкорде с населением, чуть превышающим порог в 79000 человек. Выбравшись за пределы лабораторного центра, передо мной протянулась асфальтированная дорога, а вдоль нее выстроились ряды небольших домиков, магазинов и прочих мест скопления большинства населения моего города. Я не привык задерживаться надолго в таких местах в силу своего недуга, но иногда позволяю себе это сделать.

Легкий ветерок шевелил мои волосы, я наслаждался тишиной и спокойствием. Внезапно я почувствовал, как мои веки стали тяжелеть, а ноги терять активность.

— Черт, — прошептал я, осознавая, что очередной приступ настигает меня. Пошарив в кармане пиджака, я нашел пачку сигарет, надеясь, что там осталось хоть что-то. К счастью, последняя сигарета, чуть мятая и скомканная, оказалась в пачке. Вытащив ее, я понял, что мне нечем ее зажечь. Дьявол! Оглядевшись, мои глаза остановились на небольшом ларьке, который находился примерно в 100 метрах от меня. Стараясь держать себя в руках и не паниковать, я направился к цели. Мое тело начинало чувствовать приближение дикой усталости, которую никто не в силах побороть. Единственное, что сейчас может мне помочь, хоть и ненадолго, — это хорошая затяжка.

Наконец, я приблизился к магазинчику, начал рыскать по карманам, чтобы найти деньги, но прямо перед целью споткнулся. Легкая одышка сопровождала мое дыхание, но я смог удержаться на ногах. Девушка из ларька высунула голову в окошко:

— С Вами все в порядке?

Не поднимая корпуса, я произнес:

— Зажигалку, спички... Что-нибудь... Быстрее!

Мне немедленно требуется доза никотина, иначе я не выдержу. Продавщица скрылась внутри своей каморки буквально на секунду, после чего выбежала и подожгла мне сигарету, которая почти вся промокла в моем рту. Сделав затяжку, я почувствовал, как сонливость начала отступать.

— Спасибо, — поблагодарил я молодую девушку и протянул ей купюру. Протягивая деньги, я взглянул на нее. Приятное лицо, волнистые волосы янтарного цвета, глаза того же оттенка, рост чуть ниже моего. От нее веяло какой-то загадочностью, но в то же время она казалась невероятно простой и искренней.

— Нет, что Вы, не стоит, — ответила она, отмахиваясь.

— Я сказал возьмите, — и продолжил стоять с протянутой рукой.

Она мотнула головой в знак отказа. Я не собираюсь с ней церемониться, ее жалость мне не требуется!

— Возьми эти сраные деньги! — сигарета выпала из моего рта, и какой-то прохожий

наступил на нее. — Черт!

— Я могу дать еще одну, если нуж...

— Да не нужна мне ничья помощь! — рявкнул я и, отвернувшись, ушел.

Ненавижу жалость. На протяжении всей моей жизни люди только и делают, что испытывают именно это чувство по отношению ко мне. Я не нуждаюсь в ней, я не калека. Жить в таких условиях становится ужаснее и невыносимее с каждым днем.

По прибытии домой я, не раздумывая, достал пачку модафинила. Обычно мне требуется доза размером в 100–200 грамм, но после сегодняшнего мне нужно больше привычного. Не обращая внимания на телефонный звонок, я принял лекарство. Прошло мгновение, после которого у меня началось головокружение, я больше не был в состоянии контролировать свои действия. Падение...

После того, как я подобрал препарат с лекарством, мой телефон вновь завибрировал. Мама... Семнадцать пропущенных за ночь. Решив, что ее следует успокоить, я набрал номер. Через два гудка послышался голос на том конце провода:

— Норман! Норман, с тобой все в порядке?! — я даже не смог понять, в ярости или испуге она, потому что ее крик заглушил все мои слуховые рецепторы.

— Мам, не кричи так громко, я прошу тебя. Я в полном порядке.

— Мне приехать? Твой голос звучит не так, как мне хотелось бы.

— Не нужно развивать паранойю, я достаточно взрослый, чтобы позаботиться о себе самостоятельно.

— Хорошо, но вечером я все равно заеду, привезу тебе продуктов. Сынок, ты больше не принимаешь те ужасные стимуляторы?

— Нет, мам, не принимаю. Только модафинил и снотворное, всё в назначенных количествах.

— Хорошо. Тогда до вечера. Целую, и помни: я всегда на связи.

— Пока.

Я опустился на кровать и потер лицо руками. Она не выдержит повторного вранья, но я не могу по-другому. Пускай думает, что я честен.

После завтрака, состоящего из тостов и горячей кружки крепкого кофе, мне пришлось потрудиться, чтобы найти пакетик стимулятора для устранения дневной сонливости. Я спрятал его специально от матери, дабы обойтись без истерик. Найдя небольшую дозу под ковром, я немедленно принял ее. Я довольно быстро привык к амфетамину и его воздействию на мой организм. Нельзя сказать, что он категорически запрещен для меня, лишь незначительная доза может быть доступна. Признаюсь честно, я не всегда соблюдаю это правило.

Спрятав оставшееся, я надел повседневную одежду, чтобы отправиться на прогулку. Внезапно раздался звонок в дверь. Проверив глазок, я никого не обнаружил. Открыл дверь. Никого. Сзади зазвонил телефон, я поспешил к нему. Никаких звонков и сообщений.

— Думаю, прогулка отменяется, — сказал я себе и сел на кровать, осознавая тот факт, что стимулятор дал о себе знать. Произвольно улыбнувшись, я достал ноутбук. В силу отсутствия сна, разумеется, благодаря препарату, я могу позволить себе провести некоторое время за гаджетом.

Спустя минут двадцать, прочитав о политических отношениях стран и об экономическом состоянии своей страны, я понял, что мне скучно. Я уже собрался

выключать ноутбук, как сразу передумал. Майкл позвонил в Skype. Майкл — самый надежный человек в моей больной жизни, дружба с которым проверена годами. Я сразу нажал на кнопку принятия вызова.

— Привет, брат, ну как ты? — лицо друга появилось на экране моего монитора.

— После твоего подарка значительно лучше, — ухмыльнулся я. Майкл понял, что я имел в виду амфетамин, который он подогнал мне несколько недель назад.

— Рад, что могу помочь, только ты не злоупотребляй, — я закатил глаза, — Я звоню, чтобы предложить вечером сходить в какой-нибудь паб. Я знаю хорошее место, и оно находится недалеко от тебя, так что ты без проблем сможешь добраться до дома, не без моей помощи, конечно, — моя улыбка начала угасать после его предложения развлечься и последующих слов: — Я познакомлю тебя с такой цыпочкой, чувак...

— Ты извини, но, — я отвел взгляд, — сегодня на вечер я записан на MSLT-тест для выяснения...

— Для выяснения изменения или стабильности твоих симптомов, — подхватил Майкл. — Я все понимаю, Норман. Надеюсь, что результаты будут положительными.

В его голосе я всегда слышу эту нотку надежды, но мы оба знаем, что изменений не предвидится.

— ...Спасибо, — выдавил я.

— В другой раз.

— Да, в другой раз.

— Отдыхай. До связи.

— Удачи.

Отключившись, я закрыл крышку ноутбука и отложил его в сторону. Голова снова стала тяжелой, но не от появления очередных симптомов, а от осознания того, что я являюсь беспомощным мусором, который засоряет жизни родных и близких мне людей. Тяжело вздохнув, я нашел в себе силы и поплелся в коридор, чтобы все-таки выйти на улицу.

Я бродил по переулкам и размышлял. Каждый день мне приходится это делать, потому что на большее я не способен. Буквально три года назад у меня было все: отличная работа, приносящая весьма значительный доход, машина, внимание девушек, здоровый и полный сил организм... Я ни на что не жаловался, но со временем начались потеря активности, боли в суставах, чрезмерная сонливость и усталость. Врач-невролог начал проводить ряд исследований и анализов для выяснения причины сбоя в системе моего организма. Результат оказался ужасным: неизлечимое заболевание — нарколепсия. Именно тогда, после оглашения диагноза, я потерял все. Я потерял надежду, с которой когда-то смотрел в свое будущее, которое, как мне казалось, должно было быть ярким, успешным и безоблачным. Мне пришлось бросить работу бармена в клубе, продать машину и начать жить спокойной размеренной жизнью, принимая различного рода лекарства и стимуляторы. После нескольких месяцев я узнал, что моему организму будут полезны психотропные вещества, ускоряющие работу мозга и тела. Решив, что это — единственный выход решения моей проблемы, я обратился за помощью к Майклу. Уже в течение двух лет он старается выполнять мои просьбы, хотя сам против этих затей. Именно после первой дозы амфетамина у меня появилось пристрастие к нему. Я никогда прежде не принимал больше положенного, но с каждым днем невидимая сила подталкивает меня к этому.

Я продолжал идти, медленно вышагивая. Наблюдая за суетой прохожих, я невольно морщился, понимая, что я уже не буду в их числе, так как не имею ни забот, ни проблем,

кроме одной — болезни, которая никогда не покинет меня. Перед тестом в центре я решил ненадолго зайти в какой-нибудь бар и выпить пива для дальнейшего бодрствования. Первый попавшийся паб под названием «Alibi» вполне подойдет.

Зайдя внутрь, я понял, что бывал здесь раньше, еще будучи здоровым. Я обратил внимание на парня, работающего за барной стойкой. Мое подсознание на доли секунды перенеслось в те времена, когда я был лучшим в своем деле. Сейчас мне только остается смириться с такой жизнью и с тем, что теперь я узник собственного тела. Встряхнув головой, я вернулся в реальность.

— Чего желаете? — последовал вопрос от бармена. На рубашке я увидел бейджик, на котором было выгравировано имя: «Николас».

— Кружку пива, пожалуйста.

— У Вас имеется с собой документ, удостоверяющий вашу личность с прописанным в нем возрастом?

Неужели я выгляжу моложе своих лет? Из-за того, что в мой каждодневный рацион препаратов добавляются новые, которые не всегда хорошо усваиваются моим организмом, из-за значительного количества процедур и анализов мне казалось, что постарел лет на пять минимум. Нервно выдохнув, я вспомнил, что нахожусь в пиджаке, в котором вчера пребывал на полисомнографии. Достав из кармана пропуск в лабораторию, я ткнул указательным пальцем в графу, гласившую о том, что мне 24 года.

— «Miller», если можно, — сказал я, убирая карту пропуска обратно в карман.

Через несколько секунд Николас поставил кружку пива передо мной и сказал:

— Три доллара и девяносто девять центов, сэр, — блеск его белых зубов скоро ослепил бы меня, и я точно потерял бы зрение, поэтому, заплатив, я направился к небольшому столику у окна.

Отхлебнув содержимое кружки, я вспомнил слова мамы, которые она твердит беспрестанно:

— Никакого алкоголя, табака и стимуляторов, Норман, иначе придется отвечать за последствия!

Какие к чертям последствия? Неужели мне есть, что терять? Каждый мой день — это очередная попытка выжить, постоянно я нахожусь в борьбе со своим телом. Начинаю понимать, что в этом нет смысла, ведь я такой навсегда.

Я рассуждал, но знакомый голос девушки вырвал меня из моих чертог разума.

— Добрый день, извините, что помешала, — это была та продавщица ларька. — Я увидела Вас в окне и решила подойти, чтобы извиниться за вчерашнее.

Я прокрутил в голове события вчерашнего дня, но не смог вспомнить, что произошло. Пытаясь быть как можно деликатнее, я произнес:

— Извини, но... Дело в том, что я не понимаю, о чем ты говоришь и за что извиняешься.

На ее лице появилась тень улыбки, возможно, она подумала, что я решил все забыть, но, к сожалению или к счастью, у меня действительно провал в памяти.

— Ладно, в таком случае, я пойду, — я заметил ее растерянность и решил действовать.

— Хочешь выпить? Со мной...

Немного помявшись на месте, она повернулась ко мне лицом. Уголки рта были приподняты, а в глазах загорелись маленькие огоньки, подобные звездам. Если я и не помню, что произошло тогда у магазина, то точно помню, что она оставила хорошие впечатления о себе.

— Мне то же, что и у тебя, — пролепетала она, присаживаясь напротив меня. Я улыбнулся и направился к бару.

Пока я ожидал заказа, у меня была возможность разглядеть ее. Незнакомка была одета в белоснежное платье, которое прекрасно подчеркивало ее фигуру, смуглая кожа, карамельные волосы переливались под лучами солнца, которые просачивались через стекло. Она оглянулась, затем слегка хихикнула, догадавшись, что я бесцеремонно пялюсь в ее сторону. Вспомнив о заказе, я отвернулся, чтобы забрать его. На пути к столику я почувствовал, как начала неметь рука. Черт! Я ускорился. Добежав до стола, я поставил кружку пива перед моей новой знакомой так, что жидкость слегка расплескалась, образовав мокрое пятно на ее платье. Понимая, что я сейчас не в состоянии извиниться, мне пришлось сесть на место и достать препарат с кломипрамином. Судорожно распаковав лекарство, я принял внутрь нужную дозу и запил пивом. Вытянув руку перед собой, я ждал появления результата. Вскоре у меня получилось придать движение пальцам.

Девушка все это время наблюдала за мной и моими действиями. Я взглянул на нее и тут же вспомнил о том, что испачкал ее платье.

— Прости меня... Я не хотел, честно, — это все, что я смог сказать.

Оторвавшись от меня и моей руки, она бросила взгляд на пятно, а затем махнула на него рукой и сделала глоток из кружки, которую я принес ей, и вместе с ней столько проблем.

— Ничего страшного, можно постирать, — ее улыбка убедила меня в том, что она не расстроилась. В этот раз пронесло. — Аннабель, — она убрала прядь волос с ее щеки за ухо. — Меня зовут Аннабель.

— Норман, мое имя Норман, — мы оба начали смеяться. В моей жизни давно не было таких моментов, и именно сейчас я чувствую себя полноценным человеком, для которого не существует преград. Хотя бы мысленно, но я стараюсь ухватиться за это чувство как можно крепче.

Мы говорили практически обо всем: о еде, о книгах, ведь Аннабель, как оказалось, поклонница жанра фантастики, о прохожих за окном, мы старались угадать имя и род занятий каждого, с которым нас разделяло стекло паба.

— Спасибо, что... — меня прервал телефонный звонок мамы. Улыбка Анны, мы условились, что я смогу ее так называть, начала медленно угасать.

— Норман, где тебя носит?! У тебя через полчаса тест в центре! — мне пришлось закатить глаза, потому что у меня еще есть время для того, чтобы добраться до процедурного комплекса.

— Я недалеко и скоро буду в лаборатории, не паникуй. Пока.

— Я буду ждать тебя там. И давай без глупостей.

Я отключился и убрал телефон в карман. Собравшись с мыслями, я вздохнул и начал:

— Мы здорово провели время вм...

— Да, мне тоже пора, — она все поняла.

— Если хочешь, можем встретиться еще раз в ближайшее время, — я старался быть менее навязчивым.

— А ты хочешь этого? — Анна склонила голову на бок и хитро улыбнулась.

— Тогда до встречи, — я поднялся. — Извини за платье.

— Вкусное пиво, — прошептала она и сделала последний глоток, после которого встала, и мы вышли наружу.

На улице уже смеркалось. Люди, торопившиеся домой на своих машинах, образовывали

пробки, из-за чего движение казалось очень медленным. Я в последний раз взглянул на Аннабель, она подмигнула мне, затем развернулась, и мы начали отдаляться друг от друга в разном направлении.

Подходя к исследовательскому центру, я заметил маму у входа.

— Ну наконец-то!

— У нас в запасе еще есть пара минут, — сказал я ей и слегка улыбнулся. Не понимая, в чем причина моего хорошего настроения, она направилась внутрь.

— Как твое самочувствие? — спросил мой лечащий врач, одновременно подготавливая механизм для теста множественных латентностей сна (MSLT-тест).

— Стабильное, никаких изменений... Только... — я замялся с объяснением. Врач и мама внимательно уставились на меня. — Только сегодня я ощутил, что не помню некоторые моменты, которые происходили со мной вчера. Это как-то может быть связано с нарколепсией?

— Ложись, проведем диагностику.

Обычно это занимает несколько часов, а иногда и целый день, но в этот раз все оказалось быстрее.

— Поднимайся, — сказал врач после того, как снял с моего лица провода.

— Что-то случилось? — взволнованно спросила мама у невролога, смятение которого заметил и я.

— Норман, за этот месяц приступы нарколепсии участились, и это привело к тому, что системы головного мозга начали работать медленнее. Ты начал забывать моменты, которые могли происходить ранее. Я выпишу тебе парочку антидепрессантов и стимуляторов. Не знаю, подействуют ли они. Не стоит расстраиваться и унывать, когда-нибудь такое все равно произошло бы, это был лишь вопрос времени. Без этих симптомов нарколепсия не может обойтись.

С широко распахнутыми глазами я внимательно слушал его вердикт. Никакая физическая боль несравнима с той болью, которую мне нанесли слова врача. Язык отказался мне подчиняться, и я не смог выговорить ни слова. На секунду мне показалось, что для меня вынесен новый приговор.

"Я не порекомендую наркотики и безумие каждому, но в моем случае они всегда работали отлично"

Хантер Стоктон Томпсон

Первые несколько дней после последнего посещения исследовательского центра я старался не просыпаться, надеясь, что вся моя жизнь — это лишь сон. Сны всегда помогают забыть о той проклятой реальности, в которой ты находишься. Но, несмотря на мое отвращение ко всему окружающему, мне приходилось подниматься для приема медикаментов, и, употребив их, я сразу плелся обратно в постель, уже скомканную и грязную. После каждого пробуждения сковывало все тело, после чего я некоторое время не мог двигаться, в голове присутствовали постоянные шумы, которые доводили меня до состояния раздраженности, из-за жара, охватившего с ног до головы, капли пота струились прямо на подушку, но я не позволял себе подняться. Каждый день я вставал лишь для того, чтобы открыть новый пакетик амфетамина, он помогал мне утонуть в пучине экстаза и не думать ни о чем. Мне не хотелось ни с кем разговаривать, хотя многие пытались связаться со мной. Как-то я хотел пойти к тому ларьку для встречи с Аннабель, но понял, что для такой цели нужно, прежде всего, привести себя в порядок, а не появляться в таком ущербном состоянии.

Капли теплой воды струились на мое тело, согревая и расслабляя. Наконец я нашел в себе силы и поднялся с кровати. Сегодня я был намерен выйти на улицу, чтобы хоть как-то убить время, которого у меня, уже как три года, навалом. После душа я вновь почувствовал себя человеком из-за свежести и ощущения чистоты, которые мне подарила вода. Обмотав бархатное полотенце вокруг бедер, я подошел к зеркалу и протер его, чтобы увидеть отражение своего лица. Неделя, которую я провел дома, абстрагировавшись от мира и принимая порошок в неблагоприятных для моего организма количествах, отразилась на лице не самым лучшим образом. Усталый вид, хотя это привычная для меня физиономия, синяки под глазами и исхудавшее лицо — основные категории, описывающие мое нынешнее состояние. Проведя рукой по легкой щетине, я понял, что следует побриться. Намазав лицо пеной, взял бритву. Прислонив лезвие к лицу, я вновь задумался.

— Вы хотите сказать, что болезнь продолжает прогрессировать? — возмущенно спросила мама у врача-невролога. Я продолжал сидеть, не шевеля ни единой частью тела, и слушал.

— Миссис Андерсон, симптомы нарколепсии всегда стандартны, поэтому, как я уже сказал, ухудшение памяти было неизбежно, — спокойным голосом произнес доктор. Иногда мне кажется, что некоторые врачи относятся к своим пациентам, как к биоматериалу, над которым можно ставить эксперименты и опыты, и при этом не чувствуют ни сострадания, ни жалости.

— И Вы ничего не можете сделать, чтобы замедлить этот процесс?! — мама начала повышать голос. Я продолжал сидеть в стороне.

— До настоящего времени причины развития, тем более лечения или ослабления нарколепсии недостаточно изучены, я говорил Вам об этом еще на начальной стадии развития болезни...

Не дослушав до конца слова врача, я встал и вышел из его кабинета. Каждый раз, когда слушаю выводы невролога о результатах моих анализов или исследований, возникает чувство, будто гроб для моего бездыханного тела уже приготовлен и его скорее хотят туда поместить, заколотить гвоздями и больше не вспоминать. С каждым днем мое состояние и мировоззрение меняются, и я наблюдаю за тем, как мама терпит это. Больше всего мне жаль ее, ведь все эти годы она только и делала, что ухаживала за мной.

На улице уже царила глубокая ночь. Процедурные наблюдения за моим организмом часто заканчиваются в такое время суток. Яркие фонари, фары машин и вывески различных заведений слепили мне глаза. Прогуливаясь по пустым улицам и размышляя, меня посетила мысль о том, что мои сигареты закончились. Попав в первый круглосуточный магазин, я купил пачку Marlboro и зажигалку, заплатив чуть больше десяти долларов. Сразу достав одну сигарету, я зажег ее и сделал глубокую затяжку. Прекрасное и успокаивающее чувство.

Открыв дверь своей квартиры и осмотревшись, я тяжело вздохнул. Каждый день одно и то же. Чтобы забыться, я упал на кровать с мечтой больше никогда не просыпаться.

Увлечшись мыслями, я не заметил, как оставил глубокий порез на щеке.

— Проклятье! — прошипел я, затем открыл шкафчик и достал небольшую аптечку, в которой находилось все только самое необходимое. Спустя минуту я все-таки нашел пластырь и, умывшись, заклеил им рану.

Следующий час я прибирался в квартире, потому что за неделю она превратилась в настоящую свалку. Закончив уборку, выпил чашку чая, а затем оделся. С собой я решил захватить пару таблеток модафинила, кломипраминома и пакетик с амфетамином, прогнозируя тяжелые случаи.

Полдень. Улицы были наполнены людьми, которые суетились и бежали каждый по своим делам. Я отправился к магазинчику, где работает Анна. Быстро отыскав его, я остановился. Аннабель стояла около входа в него и яростно разговаривала с каким-то мужчиной. Он показался мне подозрительным, и я прищурился, чтобы оглядеть его подробнее. Незнакомец был одет футболку, рваные джинсы и кроссовки — слишком смело для погоды в +10 градусов. Он во весь рот что-то жевал, это действие раздражало, но еще больше бесило то, как он общается с Аннабель. Его резкая жестикуляция и дерзкое выражение лица заставили меня поторопиться к ним.

Заметив меня, Анна улыбнулась, я махнул ей рукой в знак приветствия и тоже приподнял уголки рта. Не успев сказать «Привет», этот парень вякнул:

— А это еще кто?

— Мой очень хороший друг. Крис — Норман, Норман — Крис, — представила нас Анна. Уродец Крис протянул мне свою слабо жилистую руку, ожидая ответа на рукопожатие, но как жаль, что этого не произойдет. Нервно поморщившись, он убрал свою конечность, видимо, осознавая, что я не собираюсь ее пожимать.

— Крис, я думаю, мы закончили, — сказала Аннабель, а после отвернулась и приблизилась ко мне, но он схватил ее за руку и притянул обратно. — Что ты делаешь?! Отпусти!

Перехватив его запястье, я отвел Анну от нас и тихим басом произнес ему в лицо:

— Мне кажется, или она сказала, что ты можешь идти?

— Думаю, тебе кажется, чувак, — ехидно улыбаясь, произнес Крис.

Шум на улице начал заглушать наш разговор и отражаться у меня в голове. Я

почувствовал, что мне становится тесно и неуютно. Отпустив запястье парня, я схватился за виски. Ощущение дискомфорта вновь охватило меня с ног до головы. Я стою, не могу пошевелиться из-за тупой ноющей боли в голове, ориентироваться в пространстве больше не получается.

— Норман, ты в п-о-рядке? — расслышал я приглушенный голос Анны. — Крис, ему нужна помощь! — пропищала она и кинулась ко мне.

— Не лезь! — прорычал я и оттолкнул ее, затем, упав на колени и судорожно нащупав одно из лекарств в кармане брюк, вытащил его. Освободил из пачки одну таблетку, видимо, модафинила, но она выскочила из моих рук. Черт! Нелепое существо! Протерев глаза для ясной видимости, я потянулся за таблеткой, но чья-то нога безжалостно раздавила ее. Дикий крик вырывается у меня изо рта от осознания безвыходности моего положения. Мое сумасшествие стерло все границы.

— ЧТО ТЫ НАДЕЛАЛ? — уже едва расслышал я голос Аннабель. Затем послышался легкий толчок, а дальше сильная боль в голове и темнота...

Щелчок.

Слегка приподняв веки, я заметил суету вокруг себя. За руку меня держала Анна, в другую руку была воткнута игла. На лице Аннабель появилась легкая тень от улыбки. Я не хочу моргать, потому что, если я сделаю это, то снова провалюсь в то сонное пространство, из которого вернулся пару секунд назад.

— Ты очнулся, — выдохнула она, но выражение ее лица опять сменилось на беспокойное, потому что я вновь погрузился в сон.

Щелчок.

На этот раз я был уверен, что проснулся. Поднявшись на локтях, я огляделся. Белые стены, которые были настолько яркими и насыщенными, что рябило в глазах, в комнате стоял запах фенола, капельница с иглой в руке, я лежал на небольшой больничной койке, на тумбочке, граничащей с койкой, лежали мои медикаменты, в том числе и амфетамин. Проклятье. Недалеко от меня в кресле, свернувшись калачиком, спала Аннабель. Она все это время была здесь? Мне стало неловко.

Отхлебнув глоток воды из стакана, который тоже стоял на тумбе, я встал, перед этим осторожно вынул иглу из внутренней стороны локтя. Затем взял плед, лежавший на кровати, и накрыл им Анну. Она сопела во сне, и это придавало ей еще более ангельский вид, но усталость отражалась на ней не меньше. Ужасно, что именно я стал причиной ее утомления. Нужно загладить свою вину. Нежно проведя пальцами по ее щеке, меня посетило странное чувство. Это чувство давало понять, что я никогда не смогу завести настоящие отношения из-за нарколепсии. Кому я буду нужен? Я о себе-то позаботиться не в состоянии, что тут говорить о девушке? А о семье я вообще молчу. У меня никогда не будет сына, которого я смог бы научить рыбалке или же вождению машины. У меня никогда не будет дочери, которая смогла бы унаследовать от меня хорошие качества, которую я смог бы отлично воспитать, а затем она, без сомнения, стала бы прекрасной девушкой, подходящей для любого молодого человека. Ком в горле засел так глубоко, что стало тяжело дышать. Вряд ли я заслуживаю полноценной жизни, ведь для этого нужно быть соответствующим человеком.

В коридоре царили тишина и покой. Настенные часы показывали пять утра. Прогуливаясь по пустым коридорам, я понял, что влюбился в тишину утренней больницы. Спокойствие и умиротворение заполняли мою душу.

В конце коридора я увидел открытую дверь. Медленными и едва слышными шагами я

начал приближаться к ней. Это была одноместная палата. Около окна сидела Хейзел — та самая девочка, которую я встретил здесь чуть больше недели назад. Я слабо постучал в открытую дверь. Хейзел оглянулась и, заметив меня, приподняла уголки рта.

— Норман... Привет, — шепотом произнесла она.

— Можно? — спросил я и одной ногой переступил порог палаты. Хейзел кивнула и рукой показала на стул, который стоял рядом с ее коляской. Я осторожно вошел и сел на него.

— Ты так и не сказал, что значит твое имя, — сказала девочка, продолжая смотреть в окно, будто меня здесь и нет.

— Ээ... Норман значит "северный человек", — Хейзел перевела взгляд на меня.

— Какая твоя планета? — сначала я не понял вопроса, но потом до меня дошло.

— Меркурий, а твоя?

— Юпитер. Ты любишь звезды? — она вновь взглянула в окно.

— Ну, наверное...

— У меня эпилепсия, а у тебя? — ее взгляд вновь остановился на мне.

— Нарк... — Хейзел перестала моргать. Ее глаза смотрели в одну точку. — Хейзел, ты в порядке?

Молчание.

— Хейзел!

Я сорвался с места, чтобы нажать на кнопку вызова, которая находилась у кровати. Нажав три раза, я обернулся к малышке. Она медленно перевела взгляд на меня. Какого черта? Я, не отрывая взгляда от ее лица, подошел и сел обратно на стул. В палату вбежал врач, а за ним медсестра.

— Что здесь произошло? — спросил он, а затем подошел к Хейзел.

— Мы разговаривали, доктор, — пояснила девочка. — Вы знали, что Норман значит "северный человек"? А мое "лесной орех", знали?

— Да, дорогая, — сказал врач, затем поцеловал ее в макушку, посмотрел на меня, затем качнул головой в сторону двери.

— Еще увидимся, — с улыбкой произнес я и покинул свое прежнее место.

— Что здесь было? — спросил врач, когда мы вышли в коридор.

— Хейзел внезапно замерла во время нашего разговора, ее взгляд стал каким-то... пустым, я не знаю. Она перестала реагировать на меня, тогда я кинулся к кнопке, чтобы позвать помощь. Но не прошло и минуты, как она стала прежней.

Во время моего объяснения, доктор мотал головой, видимо, понимая, о чем идет речь.

— Это процесс отсутствующего взгляда и оторванности от мира называется бессудорожным генерализованным приступом. Абсансы — побочный симптом эпилепсии. Хейзел проводит в этой клинике уже третий год, но болезнь только прогрессирует. Вчера девочка внезапно потеряла сознание во время обеда.

От услышанного у меня пропал дар речи. Бедный ребенок. Не могу представить, какого ей в таком возрасте переносить такие мучения. В очередной раз понимаю, что мой недуг по сравнению, хотя бы с ее, — облегчение. Мне двадцать четыре, и мне тяжело жить, а как справляется она? Как же хрупок человеческий организм. Вчера ты бежал кросс в пятнадцать километров, а сегодня ты — инвалид. Жизнь несправедлива.

Вернувшись в палату, я увидел, как Аннабель о чем-то беседовала с мамой. Ну она что тут делает?

— Сынок! — взвыла она. Я позволил ей обхватить меня своими шершавыми руками за шею. Мама тяжело всхлипывала. Только не это! Анна стояла в стороне и умилялась. Я невольно ухмыльнулся.

— Ну, всё, мам, — сказал я и отстранился от нее. Нелепо вытирая слезы пальцами, она все же отошла.

— Как такое произошло? — успокоившись и выпив стакан воды, спросила она.

— Как это обычно и происходит, ты будто не знаешь, — нервно ответил я. — Теперь все хорошо.

— Спасибо, дорогая, что помогла ему, — поблагодарила мама Анну и взяла ее за руку. — Если бы не ты...

И она вновь поддалась эмоциям. Решив, что пора прекращать разводить нюни, я выдавил:

— Мы с Аннабель хотели прогуляться, — быстро переведя на нее взгляд, я подал ей знак, что пора уходить.

— Да, миссис...

— Андерсон, — подхватил я и улыбнулся.

— Извините. Да, миссис Андерсон, мы планировали. Я присмотрю за ним.

Я закатил глаза. Долго раздумывая, мама все-таки решила нас покинуть, перед этим оставив мне тысячу указаний и примечаний.

Двадцать четыре года. Двадцать четыре. Я, конечно, понимаю, что последствия болезни заставляют ее переживать за меня, но в течение трех лет, мне кажется, я доказал ей, что могу справляться сам.

Покинув территорию центра, Аннабель остановила меня со словами:

— Подожди, мне кое-что нужно тебе отдать.

Она протянула мне пакетик с амфетамином, который лежал на тумбочке в палате. Но как...

— Я подумала, что никому не стоит видеть это, поэтому стащила, пока была одна, — Анна пожала плечами.

— Спасибо, но... Что ты думаешь насчет этого? — я показал на пакетик, перед тем как забрать.

— Я ничего не думаю, просто... Не понимаю зачем тебе это, ты и так не здоров, — она развернулась и начала отдаляться от меня.

— Прости, что тебе пришлось все это увидеть, — крикнул я ей вслед.

— Увидеть что? — спросила Аннабель, не оборачиваясь.

— Не прикидывайся, будто все хорошо.

Она медленно подошла с опущенными глазами, затем подняла их и взглянула на меня.

— Почему ты не говорил о своей болезни?

— Мы виделись всего один раз, и тогда, поступив так нелепо, мне стало стыдно. Зачем тебе нужно было это знать?

— Вдруг я смогла бы тебе помочь, — пролепетала она, но потом задумалась.

Как эта хрупкая девушка может такое говорить и предлагать помощь?

— Анна, мне не нужна помощь, тем более от тебя.

Она вновь отстранилась.

— Я сам справляюсь...

— Сегодня я убедилась в том, что ты не всегда можешь это делать самостоятельно,

Норман, — впервые за время нашего общения я услышал ее голос, в котором прозвучали нотки серьезности.

Я подошел к Анне и взял за руку. Она была холодной, но я все равно почувствовал нежность ее кожи.

Мы решили прогуляться по скверу. Погода была солнечной и приятной, люди выходили на улицу в хорошем расположении духа, об этом свидетельствовали их смех и радость, которые они издавали в округе. Кто-то проводил время с семьей, кто-то с друзьями, кто-то с любимыми. На секунду я почувствовал, что похож на них: такой же беззаботный и счастливый.

— Сколько тебе лет? — последовал вопрос от моей очаровательной спутницы.

— Двадцать четыре. Тебе ведь около двадцати, верно?

— Двадцать один.

— Почти в точку, — игриво произнес я. — Учишься еще, наверное?

— Да, заканчиваю факультет педагогики, — на ее лице появилась страсть, и я понял: это именно то, чего она хочет и добивается. Не мог представить, что ее интересует именно эта сфера. Рад, ведь у нее есть занятость согласно своим интересам, чего категорически нельзя сказать обо мне. Я бы тоже хотел работать, заниматься любимым делом, но обстоятельства лишили меня такой возможности. Опять проблема в болезни. Спустила столько лет, я до сих пор не в состоянии смириться с нарколепсией.

— Это действительно здорово, Анна, — я улыбнулся, но она заметила мое смятение.

— Ты не пробовал найти что-нибудь подходящее?

— Вряд ли меня возьмут куда-нибудь...

— Извини, если я покажусь слишком любопытной и наглой, но можно задать вопрос?

— Конечно.

— Чем ты болен и как давно?

— У меня нарколепсия уже три года, — сказал я, затем повел ее к лавочке в парке.

После того, как мы сели, она продолжила:

— Что такое нарколепсия?

— Вообще эта болезнь характеризуется сбоями в нервной системе. Почти каждый день меня преследуют приступы тяжелой сонливости и невыносимой усталости, я не в силах с ними справиться. Это заложено самой нарколепсией, она управляет моим телом.

Аннабель тяжело сглотнула и уставилась на меня.

— Но, когда ты опрокинул на меня пиво, а затем принял какой-то препарат... Это... Это ведь было что-то затекания руки?

— Да, в нарколепсии это называется катаплексией. Происходит внезапная потеря мышечного тонуса. Иногда из-за этого я не могу нормально ходить, говорить или вообще делать что-либо. Часто такое происходит после пробуждения и...

Я взглянул на Анну и заметил влажность у ее глаз. Тогда я и закрыл рот. Она смотрела на меня и молчала. Никогда прежде я не встречался с такой реакцией. В очередной раз я убедился, что Анна очень ранимая и хрупкая. Пребывая в молчании и лицемерии друг друга, я вновь смог рассмотреть черты ее прекрасного лица. Внезапно она встала и обняла меня своими тонкими руками, затем пробормотала:

— Мне безумно... Безумно жаль. Я очень хотела бы тебе помочь, но понимаю, что не могу, — она всхлипывала, тогда я позволил себе аккуратно обхватить ее руками.

Еще около часа мы гуляли, болтали о ерунде, дышали свежим воздухом. Я давно не

чувствовал себя так спокойно и хорошо. Аннабель вдохнула в меня глоток свежего воздуха. Я хочу проводить время с ней, хочу узнавать ее еще лучше с каждым днем, я хочу продолжать наше общение, во что бы то ни стало.

— Кто этот Крис? — подходя к лаборатории, спросил я, стараясь быть как можно деликатнее.

— Как бы попроще сказать, — почесав затылок, сказала Анна. — Он не то, чтобы друг, мы познакомились еще на первом курсе института, начали хорошо общаться, но однажды ему захотелось большего. А я отказала.

— Что же тогда вы обсуждали?

— Он предлагал встретиться с ним и поговорить, — с неохотой объяснила Аннабель.

— И ты...

— Нет. И прости за его поведение. Это ведь он раздавил капсулу, — она виновато опустила глаза.

— Ты здесь ни при чем, Анна, не нужно извинений.

Улыбнувшись друг другу, мы вошли в клинику.

"Ты думаешь, стоит захотеть, и ты бросишь, но это как сон. А сон нельзя остановить. Он продолжается вопреки твоей воле. И вдруг ты понимаешь, что ты бессилён"

"Дневник баскетболиста" (1995)

Моя жизнь протекала строго по расписанию: проснулся, поел, сходил на одну процедуру, затем на другую, прогулялся, следом новые процедуры, анализы или тесты, почти за полночь я приходил домой, ложился спать, но даже сон не мог избавить меня от каждодневного однообразия. Он, как и явь, сопровождался дикими приступами чертовой нарколепсии. Поражает, что я, спустя столько времени, не смог привыкнуть ко всему этому дерьму. Думаю, это и не произойдет. Какой человек сможет смириться с неизлечимой болезнью, которая поглотила его? Временами я проклинаяю себя и свою жизнь. Пустота — вот, что образовалось у меня в душе, она медленно, но верно превращала меня в овощ.

Аннабель своим появлением принесла в мою сухую и серую обыденность немного красок. Дни стали разнообразнее, часы интереснее, а минуты значимее. Мягкий взгляд и проникновенный голос Анны действовали на меня не хуже, чем наркотик или успокоительное. Мы часто встречались и гуляли, рассказывали о том, что и как происходило в наших жизнях. Ее истории были гораздо интереснее и разнообразнее моих.

Во время моих приступов, которые происходили чуть ли не каждый час, она старалась мне помочь: присесть, если это требовалось, достать из кармана седативные или лекарственные препараты, позвать на помощь. Мы стали настоящими друзьями, а может и нет... Хотя тут и слова «может» не должно быть. Я выстроил для себя цепочку событий, которые помогли бы мне приблизиться к Аннабель и стать ей не просто другом, а кем-то более значимым. Но это лишь сказочные надежды, пустые намерения, которым не суждено воплотиться в жизнь. Любой идиот понял бы.

Прошло, наверное, около трех недель после моего последнего случая попадания в клинику. Сегодня Анна пригласила меня на ужин. По пятницам, как сказала она, ее мать готовит лазанью. Принимая это приглашение, я очень долго думал. У меня однозначно будет приступ. Что тогда я должен буду делать? Аннабель уговорила меня, успокоив тем, что она будет рядом и поможет, если возникнут проблемы. Хотя я и знал, что облажаюсь, все-таки согласился.

Собираясь на званый ужин, я решил, что следует выглядеть подобающе, поэтому надел светлую рубашку и брюки. Также я не забыл о лекарствах. Засунув их в карманы, мой взгляд остановился на ковре. Подойдя к нему ближе, я вытащил пакетик с амфетамином. Глаза не отрывались от него. Вскоре я аккуратно сложил препарат и засунул к остальным седативным.

По дороге в дом к Аннабель, адрес которого она сообщила мне по телефону, я купил небольшой торт к чаю и только потом приехал. Дом оказался небольшим. Стены окрашены в кремовый цвет, просторная лужайка, заполняющая всю территорию, была аккуратно пострижена. Что уж говорить, скромный, но по-своему прекрасный уголок семейства Анны. Я остановился на пороге.

Звонок.

Через пару секунд дверь открыла, судя по всему, мама Анны.

— Добрый вечер. Вы, наверное, Норман? Миссис Льюис, — она протянула мне руку

одновременно посылая широкую улыбку, на секунду мне показалось, что на ее лицо одета маска. — Анна мне рассказывала о тебе, проходи.

— Здравствуйте. Огромное спасибо за приглашение, — улыбнувшись в ответ и пожав ей руку, ответил я, затем вошел в уютный дом.

Внутри все оказалось не менее приятным и не могло не радовать глаз. Интерьер наверняка формировался под строгим и тщательным контролем. Все комнаты были выполнены в стиле прованс.

— Это Вам, — сказал я, протягивая торт миссис Льюис.

Опять эта фальшивая улыбка сопровождала ее благодарность. Она пригласила меня в столовую, где уже был накрыт стол.

— Норман, как я рада, что ты пришел! — воскликнула Анна и обняла меня, шепнув на ухо: — Добрался без осложнений?

Я легонько кивнул. За столом сидел мужчина пожилого возраста. Когда я вошел в комнату, он встал, после объятий Аннабель, подошел ко мне и протянул руку в знак приветствия со словами:

— Мистер Льюис. Наша дочь столько о тебе рассказывала, и мы рады, что нам представилась возможность познакомиться с тобой поближе.

— Благодарю за приглашение, мистер Льюис, — я повторно, как и с матерью Анны, пожал ему руку, затем перевел взгляд на его дочь. Аннабель смущенно отвела глаза в сторону, это заставило меня улыбнуться.

Вскоре мы все сидели за небольшим столом и уплетали лазанью, которая, между прочим, оказалась невероятно вкусной. За ужином родители Анны рассказывали о том, как они переехали сюда из Дарема, где Аннабель получила прекрасное образование. Переехать ее семью вынудили обстоятельства, связанные с их финансами. Меня радовал, но в то же время и напрягал тот факт, что никто не спрашивал обо мне.

— Спасибо огромное за столь чудесный ужин, — поблагодарил я мать Анны.

— Да, мам, лазанья как никогда получилась очень вкусной, — широкая улыбка появилась на лице Аннабель.

Миссис Льюис слабо улыбнулась нам обоим. Что-то в ее взгляде заставляло меня волноваться.

Анна встала, чтобы убрать грязную посуду со стола, я вызвался ей помочь.

— Кажется, ты им понравился, — шепнула она мне, когда мы вошли на кухню.

— Значит, наши чувства взаимны, — сказал я, но сам в это время вспоминал фальшь в глазах и улыбке ее матери. — Ты не рассказала им?

— Нет.

— Хорошо.

Аннабель мыла посуду, а я вытирал ее и складывал на место.

Снова этот щелчок.

Потемнение в глазах. Возникло чувство, что кто-то кувалдой треснул меня по голове. Руки дрогнули, и тарелка, которую я держал, упала на пол и разбилась.

— Норман! Началось?! Не молчи, прошу тебя!

Вместе со мной Анна опустилась на колени. Ее оголенные ноги наполнила кровь от порезов об осколки. Я снова не мог руководить своим телом из-за боли в голове и суставах.

— Таблетки! — крикнула Аннабель и полезла в карман моих брюк. Я услышал, как она включила воду, видимо, набирая ее в стакан. Опустив меня на спину, придерживая шею

одной рукой, Анна засунула капсулу мне в рот, затем последовала вода.

— Аннабель! — я услышал визг матери Анны. Только не это!

Дальнейшее развитие событий отнюдь не успокоило меня, потому что таблетка не помогла мне, а только усилила боль в голове. Я лежал на кафеле и дергался как человек, у которого произошел приступ лихорадки. Аннабель бегала вокруг меня и не знала чем помочь. Мать и отец что-то ей говорили, но я не мог разобрать их речь.

Внезапно мой слух обострился, и я смог услышать лишь слова Аннабель:

— Выйдите вон, на минуточку!!!

После я почувствовал, что она начала проверять мои карманы. Снова девушка поместила в мой рот таблетку другой консистенции и ту же воду. После нескольких мгновений я, наконец, ощутил положительные изменения. Шумы начали прекращаться, а мышцы расслабляться.

Я приподнялся и сел. Анна сидела на коленях возле меня, ее глаза наполнял ужас. Господи, как стыдно!

— Анна, твои ноги... Ради Бога, прости меня, — я закрыл лицо руками. — Я же говорил тебе, говорил... прости...

Она убрала руки от моего лица и подала полотенце. Я горизонтально качнул головой, давая понять, что мне не нужна повторная помощь.

— Какого черта?!?! — мать Аннабель снова вбежала на кухню, как ошпаренная. — Анна, что с твоими ногами???

— Мама, я сейчас все объясню... — тихо произнесла Аннабель и с трудом начала подниматься. Я кинулся к ней, чтобы помочь, но тяжелая рука отца Анны опустилась мне на плечо и оттолкнула.

— ТЫ! Это все ты! Я так и знала, что в тебе что-то не так! Ты — ошибка природы, недоразумение человечества! Тебе здесь не место, убирайся из моего дома!!! — проорала миссис Льюис, применяя резкую жестикуляцию. Я почувствовал, как слезы начали подступать, ком в горле увеличиваться, а стыд расти. Самое ужасное чувство — стыдиться самого себя, своей сущности.

— Дорогая, ты преувеличиваешь... — обратился к жене мистер Льюис.

— Замолчи! Замолчите все! Я не собираюсь повторять, убирайся!

— Мама! — в скандал встряла Аннабель, состояние которой уже было на пределе. Она ревела, кровь из ее колен сочилась ручьями, и причина всему — я.

Я начал отстраняться, подходя к выходу. Затем вспомнил, что препараты остались на полу, вернулся буквально на пару секунд, нелепо подобрал их и выбежал из дома.

Не помню, сколько кварталов пробежал. Остановился около небольшого футбольного поля. Упал на колени так, что боль пронзила все тело. Внутри что-то колело. Как можно быть настолько ущербным? Своим существованием я наношу только хаос и разрушения. Ничего больше. Я поддался эмоциям. Щеки стали мокрыми из-за слез, в висках все сильнее пульсировала кровь. Все тряслось из-за ненависти к себе и боли. Из моего рта произвольно раздался столь громкий возглас, что звук его эха был слышен в округе. Я кричал от безысходности, от опустошения, от осознания того, что я отвратителен. У меня никогда не могло быть и не будет нормальной жизни, потому что я болен. Болен, и больше никогда не смогу быть здоровым. Я упал на асфальтированную дорогу спиной. Плевать на боль. Больше не осталось сил бороться. Я слаб, очень слаб. Достав три таблетки амфетамина, я принял их. Мне нужно покончить с этим раз и навсегда.

Подул сильный ветер, который заставил поморщиться. Я поднялся, передо мной открылся вид на дорогу, уходившую в даль. Навстречу ко мне по ней шел мужчина средних лет. Прищурившись, я узнал его. Мой отец. Он улыбался, я позволил себе сделать то же самое в ответ.

Настигнув друг друга, мы обнялись. Я и забыл, каково это — обнимать собственного отца. Понимая, что это все лишь иллюзии, которые являются последствием большого количества принятого вещества, я старался подольше здесь задержаться.

— Пап, я так больше не могу. Я готов сдаться, — сказал я, когда мы начали продвигаться вперед по дороге, ведущей в бесконечность.

— Сынок, я понимаю тебя, как никто другой, понимаю, насколько тебе тяжело, но ты должен бороться. Ради матери, ради самого себя. Жизнь — бесценный дар, многолетнее испытание, которое ты должен выдержать и перед которым должен устоять. Будь сильным, — он положил мне руку на плечо, я слабо ему улыбнулся. — А теперь мне пора, тебе нельзя надолго здесь задерживаться.

Отец начал меня трясти за плечи.

— Проснись! Норман!!!

Шлепок по щеке.

— Отец, прекрати!

— Проснись, я сказал!!!

Я открываю глаза. Вновь меня ослепляет яркий свет, но уже не больничной палаты. Я узнаю это место. Квартира Майкла.

— Норман, ты в порядке?! Я не мог разбудить тебя.

— Мистер Андерсон, как вы себя чувствуете? — рядом с ним на кровати сидел незнакомый мне врач. Я плохо понимал, что происходит, и кто этот человек.

— Эм... Я в норме, только немного подташнивает, и кружится голова, — я потер лоб, затем взглянул на друга. Майкл явно был вне себя от ярости.

После того, как мой друг проводил врача за дверь, рванул ко мне.

— Ты идиот?! Нахрена я тебе дал это? — проорал Майкл, указывая пальцем на пакетик с психотропным веществом. — Чтобы ты принимал его тогда, когда тебе захочется и там, где захочется? Ты мог умереть, черт возьми! Придурак... — на секунду он замолчал. — Как я вообще мог так облажаться? Больше никаких препаратов, понял?

Все время, пока он орал, меня распирал смех, но я удерживался. После окончания его речи, я все-таки позволил дикому ржачу вырваться наружу.

— Ты, видимо, совсем конченный и не понял, что произошло, — уже спокойно сказал мой друг и вышел из комнаты.

Я заставил себя утомиться. Знаю, что ужасно виноват перед ним.

Я лежал в гостевой комнате, в которую редко заглядывал, когда бывал у Майкла. В помещении преобладали в основном темные тона, которые придавали угрюмый вид, впрочем, почти всем его комнатам в квартире. Я поднялся и вышел в просторный коридор. Нашел душевую, зашел, не запирая дверь. После того, как я снял грязную и промокшую от пота одежду, я почувствовал облегчение.

Теплая вода струилась по моему телу, это расслабляло. Душ — лучшее успокоительное. Сполоснувшись, я вышел из душевой кабины и накинул халат. Ощутил какую-то тяжесть в

теле. Почувствовал, как сократились мышцы брюшного пресса. Прошли доли секунды, как из полости рта вылилось содержимое моего желудка прямо в раковину.

— Дерьмо! — рявкнул я, вытирая рот, но это было ни к чему, так как процесс повторился снова. В ванную ворвался Майкл.

— Норман, проклятье!

— Прости... — попытался извиниться я, но мое состояние было против этого.

Через полчаса мы убрали ванную комнату, затем я снова принял душ. После я сидел за барной стойкой на кухне у Майкла. Сам он разговаривал по телефону с Эсми — своей девушкой. Она подходила ему по всем параметрам. Мы хорошо знакомы, поэтому я уверен в ней. Майкл и Эсми вместе уже шесть лет, и я знаю, что они без ума друг от друга. Майкл поговаривал что-то о свадьбе, но решительных действий по отношению к его возлюбленной я от него так и не дождался. Думаю, он недостаточно подготовлен, но, надеюсь, они будут счастливы. Наблюдая за ними, я понимаю, что такое могло бы быть и со мной, но, увы, нарколепсия перечеркнула все мои планы и желания. Надежда угасает с каждым днем все стремительнее.

— Да, Эсми, я понял. Люблю тебя, до встречи, — Майкл отложил телефон и подошел ко мне.

Тяжело вздохнув, он облокотился на барную стойку, и начал прожигать меня своим испепеляющим взглядом.

— Еще раз прости, — на выдохе произнес я.

— Ты отдаешь себе отчет о том, что натворил? Я звонил тебе не одну тысячу раз. Пришлось отслеживать тебя, засранца, по телефону. Ты хоть понимаешь, что лежал в блевотине на асфальте посреди улицы? Благо, что на боку, иначе бы захлебнулся собственной же рвотой. Я сразу понял, что дело в амфетамине, и хорошо, что я был один. Врача даже пришлось вызывать левого, чтобы никто ничего не заподозрил.

Послышался свист чайника. Майкл отправился наливать чай.

— Мне очень жаль, что все так вышло, — с поникшей головой сказал я, затем приподнял веко одного глаза, чтобы взглянуть на друга. Он поставил чашку горячего чая передо мной и ответил:

— Ты редкостный ублюдок, Андерсон.

Я сумел подавить улыбку, которая вырывалась наружу.

— Как Эсми? — спросил я, прежде чем откусить кусочек кекса.

— Опять проблемы на работе, — Майкл отвел взгляд в сторону.

— Попроси ее уволиться.

— Она хочет работать и вносить свою лепту в наш бюджет, я не могу ей запретить.

— Тогда возьми ее к себе каким-нибудь менеджером, — я отхлебнул глоток чая.

— Пока она сама не захочет этого, я не буду лезть.

Майкл всегда уважал выбор своих близких. Самый заботливый человек из всех, что я знаю.

— Ну, а у тебя что стряслось? Не просто так ведь ты лежал заблеванный на дороге?

— Нет, просто... — я дал себе секунду подумать. — Дело в одной девушке, мы...

Майкл поперхнулся чаем. Окатив меня взглядом, полным шока и удивления, он вытащил из шкафика бара фляжку с дорогим коньяком и подлил себе в кружку, с уже находившимся в ней, чаем. Мой друг сделал жест с алкоголем в мою сторону, как бы предлагая и мне, но я отказался. Залпом выпив содержимое, Майкл уставился на меня,

ожидая продолжения истории, которую я, по его же милости, прервал.

Я рассказал об Аннабель, о том, как мы познакомились, и как проводили время вместе.

— Так... Все равно не догоняю. Какого хера ты лежал на улице? — недоумевал Майкл.

Я немного помялся на месте, но все-таки начал выдавливать из себя слова:

— Анна... Она пригласила меня на ужин, сначала-то все шло более, чем хорошо, но...

Потом...

Майкл закрыл лицо руками.

— Я понял, не надо. Чувак, мне так жаль. Я могу чем-нибудь помочь?

Я отрицательно мотнул головой.

— Полное дерьмо...

Следующие несколько минут мы сидели в молчании.

"По телу пробежала долгая, горячая волна. Боль, грусть, страдания, чувство вины — всё ушло..."

"Дневники баскетболиста" Джим Кэррол

В помещении играла приятная музыка неизвестных мне исполнителей, мягкий свет от многочисленных люстр делал атмосферу более уютной. Единственное, что раздражало, так это звуки соприкасающейся посуды и, как мне казалось, громкие разговоры людей. На минуту я представил, как сейчас, возможно, в доме Аннабель проходит семейный ужин, но, вспомнив ужасающие моменты того вечера, я сразу отбросил эти мысли в сторону.

Прошла неделя после моего приступа. С тех пор я стараюсь не думать об Анне, хотя и выходит это не очень хорошо. Надеюсь, ей будет лучше без меня. Ни боли, ни мороки, которые приносят только проблемы и негативные ощущения.

— Норман, так что ты выбрал? — ванильный голос Эсми разрушил границы между моим сознанием и реальным миром. Майкл также уставился на меня.

— Ааа... Я, пожалуй, закажу только пиво, — почувствовав на себе испепеляющий взгляд Эсми, я закатил глаза и промямлил: — Ну и какой-нибудь стейк, так уж и быть.

Девушка Майкла широко улыбнулась, продемонстрировав свои безупречные белые зубы, а затем проговорила официанту наш заказ.

— Ты вообще что-нибудь ешь? Или в твоём рационе только пиво и препараты? — спросила Эсми.

Ничего не ответив, я улыбнулся.

— Мальчики, я покину вас буквально на пару минут, — снова пролепетала она, и, чмокнув Майкла, убежала.

Проводив взглядом свою возлюбленную, мой друг соизволил вернуться в мою компанию.

— Спасибо, что вытащили меня, — сказал я.

— Это в наших же интересах, Норман, — он подмигнул. — Как твоя мама, кстати?

Я отмахнулся рукой и произнес:

— Все как всегда: забота о сыночке превыше всего. Она до сих пор не может принять тот факт, что я уже вырос.

— Она же переживает, идиот, — усмехнулся Майкл. — Ты один у нее.

Мама Майкла несколько лет назад погибла в автокатастрофе, может, поэтому он старается уделить заботу и внимание моей. Отец, слава Богу, сумел выкарабкаться. Никому не пожелаю испытать то же, через что прошел мой лучший друг. Но, несмотря на все трудности, он справился, сконцентрировался на достижениях своих целей и добился их, завоевав доверие и уважение окружающих. Меня переполняет чувство гордости из-за того, что есть такие сильные люди, именно они поддерживают меня и не дают сорваться. Майкл, Эсми, мама и... в прошлом отец. После его смерти у меня будто выбили из легких воздух. Мои защита, поддержка и опора вмиг обрушились, подобно огромному замку, который не выдержал напора антагонистов. Моя мать была опустошена, также как и я. Мы долгое время не общались, просто не могли видеть друг друга, но однажды она постучала в дверь моей квартиры. Вся в слезах она кинулась мне на шею, как и всегда. Тогда и произошло некое примирение. Мы потихоньку начали налаживать свою жизнь, но затем новый удар под дых.

Нарколепсия. Не успев оклематься, новые порции боли и страданий заполнили сердце и душу моей матери. Каждый день я проклинаяю себя и эту ужасную жизнь, которой меня «наградила» судьба. Я страдаю, и это страдание распространяется на остальных, дорогих мне людей.

Через сорок минут заказ был готов и подан на стол. Эс заказала мне говяжий стейк, который я практически оставил нетронутым, из-за чего девушка друга хмурила свои брови, а я ухмылялся. Майкл, как и я, взял кружку пива и мясо в гарнире, а Эсми бокал белого вина и легкий салат, в общем, ничего удивительного.

— Норман, помнишь, мы с Эсми планировали поездку в Калифорнию? — после глотка пива произнес Майкл.

После услышанного я с трудом проглотил кусочек говядины, так как мое подсознание догадывалось о том, что они задумали.

— Да, помню.

Глупые улыбки появились на их лице.

— И что? — продолжил я.

— Мы хотим, чтобы ты поехал с нами, дубина, — сладким голосом произнесла Эсми.

— Ребят, — начал я, предвкушая, что мой ответ им не понравится. — Спасибо огромное за такое предложение, но я вынужден отказаться. Вы же сами понимаете почему.

— Норман, ты живешь в Конкорде всю свою проклятую жизнь, нужно куда-нибудь выбраться, и вот тебе представилась такая возможность, — перешла на серьезный тон Эсми.

— Парень, ты должен вместе с нами увидеть мир, ощутить новые эмоции и почувствовать себя свободным, независимым, понимаешь? — Майкл положил локти на стол, и вместе со своей девушкой они начали сверлить меня глазами.

Черт. Засранцы. Понятно, что сейчас мне хочется этого больше всего на свете, но доставлять им неудобства совершенно не в приоритете. Я же сплошной геморрой, многие испытали это, включая их.

— Вы хотите, чтобы я загнулся на первой же остановке?

Они оба закатили глаза, затем Эсми воскликнула:

— Ты едешь! Без сомнений...

— Эсми, черт возьми! — прошипел я. — Я не дал согласие...

— Заткнись, Норман! Ты едешь с нами и точка.

Майкл подавил улыбку и сделал глоток пива. Я явно недооценил его подружку.

— И каков ваш план? Маршрут составили? — спросил я спустя некоторое время.

— Все-таки заинтересовался? — с ухмылкой спросил Майкл. Вот же говнюк.

— Просто спросил...

Эсми захохотала так, что ей пришлось придержаться за плечо Майкла. Вскоре она успокоилась и начала:

— Мы хотим поехать в Сакраменто в штате Калифорния...

— Я в курсе, где находится Сакраменто, Эс, — с нервной улыбкой произнес я. Вновь почувствовал тяжесть век, словно мне насильно попытались их закрыть. Держа ситуацию под контролем, я достал модафинил и принял его. Из-за того, что я среагировал на симптом быстро, все прошло без осложнений.

— Ты в порядке? — спросил Майкл, собираясь подняться.

Рукой показывая, что вставать не нужно, я произнес:

— Дальше?

Они тревожно взглянули на меня, потом друг на друга, но Эсми не растерялась и с натянутой улыбкой продолжила:

— Так вот, в Сакраменто мы планировали поехать, ненадолго останавливаясь в Техасе. Очень хочу в Остин.

— Эсми в восторге от Остина, там ее корни, поэтому душа зовет, — пояснил мой друг, слегка лаская ладонь своей любимой.

— Да! И путешествие мы хотим провести на машине, — дикая страсть промелькнула на лице Эс. Я приподнял уголки рта. Какие они замечательные, следуют своей мечте, несмотря ни на что. И снова чувство гордости наполнило мое сердце.

— Вы молодцы, — на выдохе произнес я, продолжая держать уголки рта приподнятыми.

— Эй, Андерсон, ты слышал, что сказала Эсми? Ты едешь с нами. Если хочешь, можешь взять кого-нибудь с собой, — произнес Майкл и подмигнул мне, ведь он понимал о чем, а точнее, о ком зашла речь.

— Я чего-то не знаю? — спросила Эсми, отставив бокал вина в сторону.

— Да у Нормана есть некая Аннабель, с которой он познакомился сравнительно недавно, и я подумал...

— Нечего тут думать, Майкл! — рявкнул я.

— Не расскажешь про нее? — деликатно спросила Эсми.

Я издал стон, который обычно издают, когда раздражение переполняет тебя. Пришлось поведать эту душераздирающую историю вновь, чего мне очень не хотелось.

— Теперь вы понимаете, почему я не могу не то, что позвать уехать в другой штат, хотя бы просто позвонить и предложить встретиться? Мне настолько стыдно, я готов сквозь землю провалиться.

Я тяжело вздохнул.

— Я думаю, что вы должны поговорить, — почти прошептала Эсми. — Обязаны. Уверена, она скучает по тебе, Норман, как и ты по ней. Все наладится, и тогда ты точно вынужден будешь ее пригласить поехать с нами.

Я нервно начал рвать салфетку на мелкие кусочки, затем скомкал все, что распотрошил и кинул в остатки недопившего пива. Наблюдая за процессом их намокания, я размышлял о том, что сказала Эсми. Может она и права, но как пересилить себя и встретиться с Анной? Знаю, что должен, хотя бы для того, чтобы извиниться.

Заплатив за свои счета, мы покинули ресторан «PETRICHOR».

— Прямо сейчас иди к ней и поговори, — на прощанье сказала Эсми и обняла меня. Я легонько обхватил ее за плечи.

— Спасибо, — шепнул я.

Наконец она отпустила меня, и Майкл смог пожать мне руку, слегка приобнимая и похлопывая по спине.

— Не пропадай, — сказала Эсми, когда они в обнимку начали отдаляться от меня.

— Ждем ответа! — крикнул Майкл.

— Положительного!!! — следом пискнула Эсми.

Я долго улыбался и смотрел вслед друзьям. Моим замечательным и незаменимым друзьям.

По пути домой я невольно бросил взгляд на ларек. Тот самый. Тело отказалось мне подчиняться, поэтому я просто стоял на месте и смотрел. После нескольких секунд я нашел в

себе силы и начал делать шаги вперед. Осторожно обходя прохожих, я приблизился к магазину. Через оконное стекло я увидел, как Анна что-то записывала в журнале. Моя тень выдала меня. Она подняла глаза буквально на секунду, затем опустила, но потом, видимо, поняла, кто перед ней и снова посмотрела.

— Привет, — сказал я и тупо улыбнулся. Идиот.

Она махнула рукой и сказала:

— Здравствуй.

Затем Аннабель поднялась и вышла наружу. Вплотную подошла ко мне.

— Я волновалась... Ты в порядке?

— Теперь, когда ты рядом, в полном, — улыбнулся я и обнял, зарывшись в ее волосы. Запах сладкого шампуня, или что-то вроде того, пленил и одурманивал. — Прости меня, я все испортил тогда...

Аннабель взглянула на меня. Ее глаза, подобные отливу золота, были наполнены слезами.

— Ну, тише, почему ты все время плачешь? — я аккуратно обхватил ее лицо руками, затем большими пальцами вытер слезы.

— Ты не должен извиняться, — тихо сказала Анна и слабо улыбнулась. После она потянулась ко мне за поцелуем. Как бы сильно я не хотел этого, еще слишком рано, а может и вообще этому не следует происходить. Чтобы отсрочить его, я закрыл ее губы указательным пальцем и спросил:

— Ты скоро заканчиваешь?

Опешив, она ответила:

— Да, подожди пару минут.

Анна скрылась в своем магазинчике.

Приблизительно в 300 метрах от ларька я увидел бабушку, которая продавала цветы. Решив, что успею их купить, пока Анна собирается, я кинулся к бабуле.

— Добрый вечер, можно мне вон те? — спросил я и показал на желтые тюльпаны.

— Конечно, сынок, — ответила продавщица и упаковала мне желаемое.

Заплатив, я поблагодарил ее, и побежал к Анне, которая как раз запирала ларек. Заметив у меня в руках букет тюльпанов, она приоткрыла рот. Я протянул цветы Аннабель, которые она очень медленно и с излишней осторожностью взяла в руки.

— Спасибо... Они очень красивые, — наконец из уст Анны последовали слова. Она понюхала тюльпаны, после чего кинулась ко мне, а я, не растерявшись, подхватил ее и начал кружить. Аннабель смеялась от радости и счастья, которые, как я думаю, отражались и на моем лице. Мы счастливы и сейчас это все, что делает нас свободными и беззаботными.

И снова Анна ворвалась в мою жизнь, подобно урагану. Мы бродили по почти опустевшим улицам и обсуждали прошедшую неделю.

— Крис опять навевался, — рассказывала Аннабель.

— Он обидел тебя? — я остановил нас на минуту. Моя спутница рассмеялась, затем ответила:

— Нет, все хорошо.

— А твои родители... Они что-нибудь говорили? — заикаясь, спросил я.

— Давай не будем о них, прошу. Неважно, что произошло ТОГДА, потому наше СЕЙЧАС гораздо значимей и приятней, — приподнявшись на носочки, она вновь потянулась ко мне.

Не выдержав, я схватил ее одной рукой за талию, другой за шею и прислонил к стене одного из домов, которые мы миновали ранее, и, приблизившись к ее лицу, поцеловал. На секунду оторвавшись, я взглянул на ее брови, веки, ресницы, распухшие от поцелуя губы, и понял, что не смогу больше остановиться. Я позволил нашим губам снова сплестись в сладострастном поцелуе. Мои руки крепче обхватили Аннабель, обозначая, что она принадлежит только мне. Невыносимое желание нарастало с каждой секундой все сильнее. Пребывая будто в наркозе, я не ощущал ничего, кроме прикосновения губ Анны. Она яростно обхватила мои плечи, и я почувствовал, как дрожь пронеслась по моему телу и передалась Анне. Каждый атом моего тела пропитался этой девушкой, я готов ощущать тепло ее дыхания на коже круглые сутки, ее прикосновения, ее нежный голос, который ласкает мои уши. С Аннабель я обрел новую жизнь, и пусть она так же, как и прошлая, полна борьбы и испытаний, но теперь я уверен, что смогу справиться с трудностями. Я сильнее, чем мог себе представить.

"Мы всегда должны выбирать, кого впускать в наш маленький мир. Ты тоже несовершенен. Эта девушка, которую ты встретил, — она тоже несовершенна. Главное в том, совершенны ли вы друг для друга"

"Умница Уилл Хантинг" (1997)

Рука Аннабель нежно ласкала кожу моей груди, а я в ответ поглаживал ее нежную и бархатистую спину.

— С тобой я прихожу в порядок, — еле слышно произнес я, затем поцеловал ее в волосы, вкусно пахнущие тем же шампунем.

Я почувствовал, как Анна слегка усмехнулась, и еще раз поцеловал ее.

— Ты очень нежен, когда мы наедине, — сказала Аннабель и подняла голову. Я убрал волосы с ее прекрасных глаз янтарного цвета и произнес:

— Ты самая красивая девушка в мире, — она легла мне на грудь, пряча взгляд. — И смущение тебе только к лицу.

— Перестань! — Анна начала смеяться мне в кожу. Ее смех мурашками отразился на моем теле. Я закинул Аннабель на себя так, чтобы она села. Анна нагнулась и овладела моими губами.

— Обожаю тебя целовать, — на секунду оторвавшись, прошептал я. Аннабель зарылась в мои волосы руками, от чего мое тело стало ватным.

— Давай целый день будем так лежать и ничего не делать? — пролепетала Анна.

— Я только за! — прорычал я, схватил ее хрупкое тело и опустил на спину, при этом не переставая целовать. Каждый миллиметр ее тела влек меня, запах одурманивал, сложилось такое впечатление, будто именно этой девушки мне не хватало для полного счастья и спокойствия. И сейчас она рядом, прижимается ко мне, и я готов на любые подвиги и глупые, неординарные поступки, лишь бы Анна была рядом.

Кажется, что я проспал несколько дней. Приподнявшись на локтях, огляделся. Протер глаза для ясной видимости. Анны не было в кровати. Из ванной был слышен шум бегущей воды, пришлось встать и направиться туда. Войдя в душевую кабину, я зарылся лицом в шею и волосы Аннабель, при этом сжимая ее ягодицы. Тело Анны напряглось от неожиданности. Я с наслаждением выдохнул скопившийся воздух в моих легких, целуя шею и плечи прекрасной девушки, находившейся от меня в паре сантиметров. Она повернулась ко мне лицом и прижалась своими губами к моим. Смесь воды и вкуса ее губ порождали чувства удовольствия и возбуждения. Руки Аннабель скользнули по моим плечам и опустились ниже, к животу. Подняв голову, она посмотрела на меня, ее глаза горели ярким пламенем, и я понимал, чего мы оба хотим. Подхватив ее, я вышел из ванной комнаты. Добравшись до кровати, бросил девушку туда. Никогда прежде я не испытывал такого животного влечения. Несколько секунд я стоял, осматривая каждый дюйм ее тела.

— Ты совершенна, — простонал я и кинулся к ней. Через секунду я насадил Анну на себя, крепко сжимая ее бедра. Задавая ритм Аннабель, я был вынужден прижиматься лицом к ее шее, чтобы приглушать громкие стоны, которые вырывались наружу. Выгнув спину и запрокидывая голову назад, Анна издавала легкие крики наслаждения, это было самым возбуждающим, что я когда-либо видел в жизни. Она прикасалась к каждой частице моего

тела, и я понимал, что ее прикосновения только усиливают влечение к ней. Мы продолжали двигаться в безоговорочной гармонии, отвечая друг другу на каждое прикосновение, взгляд или звук. Я начал ощущать приближение оргазма. Пальцы Аннабель крепче впились в мои волосы, через несколько движений ее крик вырвался изо рта и, казалось, заполнил все пространство комнаты. Тело Анны прижалось ко мне, и мы плюхнулись на кровать. Тяжелая одышка сопровождала наше дыхание. Сердце Аннабель стучало прямо у моей груди.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Постепенно дыхание Анны начало приходить в норму, но не мое. Мне стало не по себе, сонливость подступала. Взяв стакан с водой и таблетку с нужным препаратом, которые стояли на столике у кровати, я принял лекарство.

— Ты в порядке? — приподнялась Анна.

Почувствовав облегчение, я кивнул. Испуганный взгляд остался на ее лице. Я нежно поцеловал Анну в губы.

— Все хорошо, — прошептал я. — Знаешь, я хочу, чтобы ты поехала со мной в Калифорнию...

Опешив, Аннабель села. Создалось впечатление, что мы могли бы просидеть так целую вечность, не отрывая друг от друга взгляды.

— Что ты сказал? — она сделала вид, что не расслышала моих слов. Я улыбнулся, затем тоже сел. Взяв ее кисть в руку, я снова произнес:

— Я. Хочу. Чтобы. Ты. Поехала. Со. Мной. В. Калифорнию.

Чмокнув Анну, я вновь уставился на нее. Девушка продолжала сидеть, пребывая в прострации.

— Я что-то сделал не так? — обеспокоенным голосом спросил я.

— Нет, что ты... нет — наконец Анна обрела дар речи. — Просто... Как ты... Зачем...

— Я думаю, что мне нужно выбраться из Конкорды, и мои друзья предложили отправиться с ними в путешествие. Вот я и подумал, что ты бы составила мне замечательную компанию, если захочешь, конечно. Если нет, я все пойму, — мне пришлось отвести взгляд в сторону и отпустить запястье Аннабель, дабы не показать свою настойчивость, но, к моему удивлению, Анна схватила меня за руки и сказала:

— Я буду очень счастлива составить тебе компанию, Норман! — воскликнула Аннабель, улыбаясь самой искренней и доброй улыбкой из всех, какие мне приходилось видеть. Затем она обняла меня так нежно и нелепо, что я не мог не засмеяться. Анна подхватила мой смех, и мы оба стали безудержно хохотать, сами не зная от чего.

Моя жизнь кардинально изменилась с появлением Аннабель Льюис. Эта девушка — сущее совершенство. Доброта, искренность, понимание — все это она сочетала в себе. Просто невероятно. Казалось, нарколепсия и я будем неразлучны, и меня никогда больше не посетит счастье, но теперь, когда мою жизнь украсила эта девушка, я не знаю, чем заслужил такое чудо. Я чувствую себя бодрее и свежее, потому что снова стал ощущать смысл моего существования, радость и наслаждение. Сейчас я думаю только о хорошем, только об Анне, ибо именно ей я обязан наступившей гармонией в моей душе.

— У тебя красивая квартира! — услышал я голос Аннабель сквозь басы музыки, которая исходила из колонок. Улыбнувшись, я подмигнул ей, показывая свою благодарность. Мы находились на кухне, я готовил уже поздний завтрак. — Хай-тек?

— Да. Нравится?

— Еще бы! — воскликнула Анна, широко улыбаясь. Взлохмаченные волосы и потрепанный вид придавали ей еще большей сексуальности, а в моей футболке она смотрелась просто потрясающе. Шикарные ножки, набухшие соски, просвечивающиеся сквозь материю, торчащие ключицы...

— Ты волшебная, — откинув в сторону хлебцы для тоста, я кинулся к столу, где находилась Аннабель. Быстро подхватив Анну, я посадил ее на стол. Она слегка вскрикнула от ощущения соприкосновения холодного стекла с телом. Запустив руки под футболку, я схватил ее груди. Язык Анны быстро отыскал мой. Я дико прорычал и с неохотой оторвался от моей партнерши.

— Завтрак, — прошептал я ей в губы, и, почесав затылок, продолжил готовку. Включив тостер в розетку, я засунул в него хлебцы, затем достал несколько видов джема из шкафчика.

— Тебе какой? — спросил я у Аннабель, глядя на две баночки: клубничную и вишневую. Повернувшись к Анне, я застал ее совершенно голой. Моя футболка лежала на столе, а эта роковая, соблазнительная девушка стояла прямо передо мной. Рот произвольно открылся, джем пришлось отложить.

— Что-то не так? — сладким голосом спросила Анна, при этом облизывая верхнюю губу и лаская свой сосок.

— Ну... Все прекрасно... За исключением того факта, что в моих трусах сейчас стояк выше и длиннее Эйфелевой башни.

Дикий смех Анны наполнил пространство кухни. Подбежав ко мне, она обвила свои руки вокруг моей шеи, после чего глубоко и жадно поцеловала. Я подхватил ее тело так, чтобы она смогла сомкнуть свои ноги у меня на спине. Я целовал Анну так, будто делаю это в последний раз: жадно, страстно и слегка покусывая. Мой поцелуй распространился на все ее тело. Мы прижались к стене, я опустил Аннабель, затем начал прокладывать вниз медленную дорожку из поцелуев, оставляя засосы почти на каждом участке. Анна издавала молящие стоны, что побуждало меня еще яростнее продолжать свое дело. Добравшись до пупка, я остановился. Упал на спину, при этом ударяясь головой о кафель.

— Норман! Господи...

Через доли секунды я принял модафинил, который принесла Анна. Придерживая мою голову, она помогла запить лекарство.

— Теперь лучше? — взволнованно спросила она.

Я кивнул. Аннабель сделала глоток воды, затем тяжело вздохнула.

— Прости меня, — сказал я, осознавая, что потерял счет этих извинений.

— Все хорошо, милый, — мягко произнесла Анна, подвинулась и положила мою голову себе на грудь.

— Так гораздо лучше.

Она хихикнула, это заставило меня улыбнуться.

Через полчаса мы сидели за столом (уже в одежде) и уплетали завтрак. Аннабель откусила кусочек тоста с клубничным джемом так, что на губе осталась ягодка. Я приподнял уголки рта. Заметив, как я пялюсь, она спросила:

— Что?

Большим пальцем я вытер измазанный участок ее нежной кожи, затем облизнул его.

— Ничего.

— Спасибо, — поблагодарила меня Анна, затем сделала глоток какао. Я последовал ее примеру.

Аннабель бродила по комнатам моей квартиры, а я, как верный пёс, следовал за ней, рассказывая что, где и как расположено. На трельяже в коридоре остались лежать тюльпаны, подаренные мною вчера. Она взяла их и направилась на кухню. Мне пришлось обогнать ее, чтобы успеть достать вазу из шкафа. Улыбнувшись, Анна перехватила стеклянный продолговатый стакан и, набрав воду, опустила в него букет.

После мы переместились в спальню.

— Это твой отец? — спросила девушка, показывая на фотографию, стоящую на полке рядом с кроватью. Я кивнул и взял фото в руки. — Он живет в Конкорде?

Немного помявшись на месте, я все же ответил:

— Не совсем, — мне не хотелось напрямую говорить ей о смерти отца. Я отложил фотографию.

— Прости... Я не знала.

Хорошо, что Аннабель понимает меня, так гораздо проще общаться.

Звонок в дверь. Я заметил испуганный взгляд Аннабель, который она обратила на меня. Ухмыльнувшись, я пошел к двери.

— Кто это? — спросила Анна, сохраняя на лице все тот же отблеск страха.

— Моя мама, — расхохотался я и открыл дверь.

Не успев войти в квартиру, мама сразу начала возмущаться:

— Норман, какого черта? Для чего тебе нужен мобильный? Я уже столько раз...

Она оборвала свою речь, замечая Аннабель, стоявшую у двери в гостиную.

— Добрый день, миссис Андерсон.

— Ох, Анна... Прошу прощения, что помешала вам, я просто хотела...

— Мам, все в порядке, заходи уже.

В течение получаса мы сидели за столом, болтая.

— Сынок, ты помнишь, что сегодня у тебя обследование в лаборатории?

— Да, я все помню.

— Я взяла отгул, поэтому могу пойти с тобой.

— Миссис Андерсон, я могу составить ему компанию... Если вы оба не против, — у мамы отвисла челюсть.

— Ты знаешь, что я всегда за, — прошептал я и взял Аннабель за руку. Она залилась краской.

— Ну что же, хорошо. Если что-нибудь понадобится, я всегда на связи.

Сделав последний глоток из кружки с кофе, мама поднялась, собравшись уходить.

— Мам, присядь, пожалуйста, мне нужно тебе кое-что сказать.

— Кое-что? — она медленно опустилась.

— Кое-что очень важное. Ты же прекрасно знаешь Майкла и Эми...

— Да...

— И ты отлично знакома с их планами о поездке в Калифорнию?

— Норман, к чему ты клонишь?!

— Я решил, что мне нечего терять, и мы с Аннабель отправимся вместе с ними.

Прошло, как минимум, пять минут. Мама не отрывала взгляда от меня.

— Нечего терять? То есть, ты просто так уедешь, оставив меня здесь с переживаниями о том, где ты и как себя чувствуешь? ТЫ СОВСЕМ ИЗ УМА ВЫЖИЛ?!!!

Она резко встала, яростно отодвинув назад стул. Аннабель вздрогнула, я прикрыл на

секунду глаза.

— Можешь подождать меня в спальне? — поднявшись, спросил я у Анны, нежно положив руку на ее плечо. Не дослушав до конца мою просьбу, она кивнула и ушла.

— Можешь хоть иногда держать себя в руках?! — проорал я.

— Почему ты кричишь на меня?! Ты забыл, кто растил тебя и ухаживал за тобой все эти годы?

— Да кто просит тебя ухаживать за мной? Я справляюсь сам! И когда я сообщил о своем отъезде, это не означало, что мне нужно твое разрешение, это означало, что я оповещаю тебя, черт возьми!!! Все решено.

Я сел на стул, мама сделала то же самое. Ее глаза покрыла прозрачная пелена.

— К чему слезы, мама? Я уезжаю не навсегда, а лишь на некоторое время. Твоя истерика была не уместна, к чему все это? К тому же, со мной будет Аннабель.

— Она такая же юная и неопытная, как и ты, чем и как она тебе поможет?

— А ты чем?! — перебил я ее. — Ты думаешь, что там нет ни одной больницы, где мне смогут оказать помощь? Почему я должен оставаться в Конкорде до конца своей и так прогнившей жизни?

— Может ты и прав, Норман, но как я могу тебя отпустить? Я твоя мать, ты должен понимать, что я буду чувствовать, когда спустя столько лет мой ребенок покинет меня.

Я закатил глаза, после чего встал, подошел к маме и обнял ее.

— Пойми ты, что я не всегда буду рядом. Моя жизнь продолжается, несмотря на то, что я болен. Раньше я не понимал этого, но появилась она, — улыбнувшись, я отстранился от матери, чтобы взглянуть ей в глаза. Она поняла, что я говорю об Анне. — Теперь я знаю, что должен жить, стараясь делать счастливыми всех, кто меня окружает. Я очень благодарен тебе за все те годы, которые ты посвятила мне, ты же знаешь это. Все будет хорошо, я обещаю.

— Обещаешь? — переспросила мама, слезы градом сыпались из ее глаз. Я повторно обнял ее, поцеловав в затылок.

— Обещаю.

"Мы не выбираем времена. Мы можем только решать, как жить в те времена, которые выбрали нас"

Дж. Р.Р. Толкин

— Я так рада, что вы едете с нами! — услышал я визг Эсми через динамик ноутбука.

— И долго она ломалась? — с усмешкой спросил Майкл после того, как влюбленные оторвали свои языки друг от друга.

— Заткнись! — рявкнул я, засмеявшись.

— Нам нужно будет встретиться всем вместе перед отъездом, познакомиться и обсудить всё, — уже командным тоном произнесла Эс. Всегда удивлялся ее умению адаптировать настроение под всевозможные ситуации.

Кивком мы с Майклом дали понять, что согласны с условием Эсми. Нам действительно нужно узнать друг друга перед тем, как отправляться в путешествие.

Договорившись о том, что мы встретимся завтра вечером в нашем любимом ресторане, я закрыл крышку ноутбука и отложил его. Осталось сообщить Анне, и я собирался сделать это после обследования. Несколько часов назад она отправилась домой, чтобы переодеться и встретиться с родными. Мама тоже ушла совсем недавно, после слез и истерик ей необходимо было отдохнуть, поэтому я рекомендовал ей успокоиться и постараться уснуть, а завтра утром от меня же узнать результаты анализов. Долго раздумывая, она решила все же оставить меня. После смерти отца мама стала очень нервной и беспокойной, ее можно понять.

Приняв душ, я оделся. С Аннабель мы договорились встретиться у ближайшего паба. Покинув территорию своего района, я остановился.

— Черт! — вспомнил, что забыл лекарства дома. Несколько минут стоял, не понимая, что должен делать дальше. Может, обойдется? С этой надеждой я отправился дальше, ускоряя темп движений.

Аннабель уже была на месте встречи.

— Я скучал, — на ходу произнес я и страстно поцеловал Анну.

— Прошло всего несколько часов, — отвечая на поцелуй, ответила она.

— Для меня это кажется целой вечностью.

Взявшись за руки, мы отправились в исследовательский центр. Я старался не показывать свои смятение и беспокойство, но, кажется, это плохо получалось.

— Знаешь, Норман, хоть мы и знакомы не так уж и много, но достаточно для того, чтобы я сумела понять: что-то не так. В чем дело? — она остановилась и устремила на меня взгляд.

— Я забыл препараты дома.

— Ты... ЧТО?! — прорычала Аннабель, стараясь сохранять хоть какую-то видимость спокойствия на лице. — Ты совсем идиот или прикидываешься? Быстрее идем в центр! Вперед! Черт!!!

Она яростно схватила меня за запястье и потянула за собой.

— Ты очень сексуальная, когда злишься, знаешь об этом?

— Закрой рот, Норман! Мы почти пришли...

— Вы можете подождать снаружи, или как вам угодно? — обратился к Анне доктор, присаживаясь в свое кресло.

— Мне угодно остаться здесь, — холодно ответила Аннабель, скрестив руки у себя на груди, от чего два холмика, торчавшие у нее под футболкой, приподнялись. Мне пришлось отвести взгляд.

— Как общее самочувствие, мистер Андерсон? — спросил врач, при этом что-то записывая у себя в бумагах.

— Хорошее.

— Хорошее? Прекрасно. Как давно были приступы катаплексии?

— Относительно недавно.

— Относительно недавно. Хорошо. Половые акты? — он бросил взгляд на Аннабель, это заставило ее смутиться. Я улыбнулся.

— Всё ясно. В скором времени Вам нужно будет пройти энцефалографию головного мозга, — он перевернул страничку моей лабораторной карты. — Также, через несколько дней Вас ожидает полисомнография и последующий MLST-тест.

— Да, я помню, спасибо.

— Хорошо. Тогда, думаю, что Вы и Ваша спутница можете быть свободны. Всего хорошего.

— Спасибо.

Выйдя из здания, Аннабель снова пребывала вне себя от ярости.

— С какой стати он начал спрашивать про половые акты? Разве это поможет ему узнать, отчего ты болен или какими способами можно излечить нарколепсию? Ненормальный и сексуально неудовлетворенный старик!

— Анна!!! Да успокойся уже. Что на тебя нашло? — я дернул ее за плечи. Что с ней происходит? Никогда прежде я не видел ее такой дикой и злой.

— Да потому что таблетки свои надо брать с собой! Пошли скорее к тебе, вдруг еще что-нибудь произойдет, — и она вновь схватила меня за руку и повела. Мне оставалось только идти следом за Аннабель и молчать.

— Может помедленнее? Все ведь хорошо.

Анна тяжело вздохнула и остановилась.

— Какая же ты задница, Андерсон. Все, что делаем я, твоя мама и друзья, называется заботой.

— Я понимаю, милая, — я взял лицо Аннабель в руки. Нежно прислонился своими губами к ее. — И ценю это, правда.

Она обняла меня, я вдохнул приятный аромат этой девушки.

— Готов стоять так вечность.

— И я. Я тоже, — прошептала Анна мне в шею и крепче прижалась.

Проснулся от дикой боли в голове и суставах. Тело гудело, казалось, что в меня вкручивают шурупы и гвозди.

— ЧЕРТ! — проорал я, падая с кровати на пол. Спящая рядом Аннабель вскочила, кинулась ко мне.

— Что такое?! Тебе больно? Я сейчас вызову врача, только потерпи!! — она вскочила с колен и понеслась к телефону в коридоре.

Я чувствовал приступы катаплексии, но что-то было не так. Ее симптомы отражались

болью в мышцах, чего не было ни разу за всю историю нарколепсии в моем организме. Я продолжал лежать на полу, не шевелясь.

— Анна! Аннабель!!! — закричал я.

Я услышал громкий стук, с которым она отбросила телефон, затем кинулась ко мне.

— Я здесь! Скорая уже в пути.

— Анна, я не могу пошевелиться, принеси кломипрамин или меридил... Они в ванной, второй шкафчик слева.

К сожалению, лекарственный препарат оказал лишь минимальный результат, благодаря которому боли утихли, но я продолжал валяться, как кусок дерьма, на собственном полу. Аннабель терроризировала телефон звонками в скорую, которая должна была уже приехать.

— Кто там работает вообще?! Человеку плохо, неужели так сложно выполнять свои обязанности?!!!

Она нервно ходила по квартире, ежеминутно спрашивая, как я себя чувствую.

— Успокойся, они приедут, и все будет хорошо. Я хочу тебя попросить кое о чем.

— Да? Все, что угодно.

— Не рассказывай маме о случившемся. Она придет в ярость.

— Ладно. Ладно, хорошо, ни слова, но... Норман, ты уверен, что нам стоит уехать?

— Я уверен.

Я продолжал находиться в состоянии неподвижности, Аннабель сидела рядом.

— Думаю, это произошло из-за того, что ты не взял чертовы таблетки с собой в лабораторию.

Звонок в дверь.

— Наконец-то!

Анна побежала к двери, через которую спустя секунды, вошли врачи. Последнее, что я услышал, когда мое тело закинули на носилки, это голос Аннабель:

— Я еду с ним!

Опять пробуждение в больничной палате. Сложилось впечатление, что я бываю здесь чаще, чем дома. За окном шел дождь, а свежий воздух, проскальзывавший через открытую форточку, наполнял пространство комнаты, и я вдыхал его с истинным наслаждением. Признаться честно, я без ума от подобной погоды, именно после дождя остается свежее и спокойное настроение. Раньше я и мой отец часто отправлялись на озеро рыбачить и делали это именно в такую погоду, пасмурную и темную. После рыбалки мы с добычей отправлялись домой, где мама всегда встречала своих мужчин с улыбкой. От приятных воспоминаний что-то кольнуло в сердце.

Когда глаза немного привыкли к яркому свету, исходящему от многочисленных ламп, и к насыщенным бело-выкрашенным стенам, я смог широко распахнуть их. Мысли прошлого покинули меня, и я вернулся в реальность. Анна сидела рядом с койкой и сладко спала. Ей нужно отправиться домой, чтобы хорошенько выспаться, ибо из-за меня она совсем не сможет бодрствовать.

— Аннабель, — прошептал я, слегка дотронувшись до ее ноги. Она моментально открыла глаза и уставилась на меня. Ее лицо стало бледным и жутко уставшим за эту ночь. Изучив меня взглядом, Анна улыбнулась моей любимой улыбкой.

— Все хорошо? — спросила с искренней нежностью девушка, продолжая сидеть в кресле, свернувшись комочком.

Я кивнул и наклонился к ней за поцелуем, который получил.

— Тебе нужно домой.

— Почему?! Я останусь с тобой, пока доктор не скажет, что тебе пора уходить отсюда.

— Анна, детка, отправляйся к родителям, выпишись, отдохни. Вечером обязательно встретимся. Ты ведь не забыла о встрече с моими друзьями?

— Норман, для того, чтобы отдохнуть, нужно сначала устать, а я не устала... И...

Она обратила свой взгляд на меня. Моя гримаса ясно давала понять, что повторять я не собираюсь.

— Ладно, только расслабь мышцы своего прекрасно лица и смотри на меня с нежностью, как прежде, — после ее слов меня охватил приступ смеха, но Аннабель толкнула меня в бок, и пришлось заткнуться.

Аннабель встала с кресла, я привлек ее к себе, чтобы еще раз насладиться вкусом губ девушки. У двери она сказала:

— Позвони, как будешь дома, я буду ждать.

Удостоверившись моим кивком, она закрыла дверь с обратной стороны.

Я сделал глоток воды. Аккуратно приподнялся на локтях, после чего встал. Ощущалась некая тяжесть в теле. Ясно, что оно отекло после того, как я пролежал почти всю ночь в одном положении. Чтобы получше ощутить запах дождя, я направился к окну и открыл его. Ветер ворвался в помещение, шевеля мою больничную рубашку. Я закрыл глаза и расставил руки в стороны, чтобы абсолютно каждая частичка моего тела насладилась свежестью стихии.

Внезапно дверь открылась и в палату зашел лечащий врач. Недоумение на его лице заставило меня приподнять уголки рта. Я закрыл окно и направился к койке.

— Все уже хорошо, мистер Андерсон? — спросил доктор, пытаясь скрыть свою усмешку. Подойдя ближе, он присел в кресло.

— Более чем, спасибо, — ответил я, стараясь быть серьезней. — Что со мной было?

— Я как раз и пришел поговорить об этом. Норман, Вы принимали лекарства в течение прошлого дня?

— Честно, нет. Я вспомнил, что забыл их дома, когда направлялся в центр на прием.

— Но Вы обязаны понимать, что подобные ситуации не должны происходить, это может привести к необратимым последствиям.

— Да... Я понимаю, сглупил.

Он поднялся.

— Что ж, очень хорошо, что в этот раз все обошлось, но будьте, пожалуйста, бдительны. Через несколько минут я снова зайду проверить Ваше состояние, и, тогда, сможете отправиться домой.

— Ладно. Спасибо.

Доктор покинул палату.

Ресторан «PETRICHOR» находится в паре кварталов от моего дома. Это заведение довольно крупных размеров, которое внушает доверие. Выполнено в урбанистическом дизайне (модерн), стиль и интерьер ресторана стали неотъемлемой частью восприятия заведения, так же, как и внимание обслуживающего персонала. Я, Майкл и Эсми часте посещаем «PETRICHOR», и я думаю, Аннабель здесь так же будет комфортно.

— Никогда не слышала об этом месте, — осматриваясь на ходу, произнесла Анна.

— Пойдем, они уже ждут нас.

Внутри ресторан ничуть не хуже: смесь шоколадного и фиолетового цветов придавала заведению некую таинственность в атмосфере, абстрактные картины неизвестных художников на стенах дополняли образ помещения. Основным лейтмотивом урбанистического интерьера ресторана «PETRICHOR» является проникновение мегаполиса со всеми аспектами его жизни в мебель и остальные составляющие этого волшебного места.

Мои друзья уже заказали столик у окна. Войдя в ресторан, мы сразу заметили эту сладкую парочку, которая так и привлекала к себе внимание.

— Привет! — воскликнул я, пожимая руку Майклу и обнимая Эми. — Знакомьтесь, это Аннабель.

— Привет, я Майкл.

— Здравствуй, я Эми, Норман столько про тебя рассказывал! Мы очень рады с тобой познакомиться! — приветствие Эс сопровождала ее ослепительная улыбка. — Не закатывай глаза, Андерсон, я знаю, что говорю.

Вскоре мы сделали заказ: я и Майкл взяли, как и всегда, по кружке пива и мясу по-тайски, Эми выбрала красное вино и ананас, фаршированный креветками, а Аннабель белое вино и лингвини с морепродуктами.

— Ну что, Анна, ты готова поехать с нами?

Я заметил смущение Аннабель, поэтому решил взять ситуацию под свой контроль.

— Она готова, мы оба готовы. Вы решили, когда отправимся?

— Сначала нужно обговорить твои процедуры, — сказал Майкл. — У тебя же, насколько я помню, скоро полисомнография и тест?

— Да, в среду. Думаю, к концу недели все закончится.

— Тогда можно собирать вещи, — улыбнулась Эми.

— А насколько мы едем? — спросила Аннабель. Ну наконец-то она выдавила из себя хоть что-то.

— Планируем на месяц, плюс-минус пара дней, но все зависит от самочувствия Нормана, — ответил Майкл.

Анна понимающе кивнула.

— Если со мной что-то и произойдет, то мы найдем какую-нибудь клинику, и мне окажут помощь, — с уверенностью произнес я.

— Мы надеемся, что все пройдет хорошо, — с глубоким вздохом сказала Эс.

Остальное время до того, как нам принесли напитки, Аннабель рассказывала о себе, о том, как они переехали в Конкорд.

— Не хочешь выйти на воздух? — поинтересовался я у Майкла, который в ответ на мой вопрос незамедлительно кивнул.

Оказавшись снаружи ресторана, я достал пачку Malbogo, предложил другу, тот взял сигарету в руку.

— Она та, кто тебе нужен, — сказал Майкл после глубокой затяжки.

— Я знаю.

— Довольно скромная особа.

— Тебе показалось. Вы только познакомились, — затяжка.

Я взглянул в окно ресторана. Через прозрачное стекло увидел наших девушек. Они о чем-то разговаривали и смеялись.

— Уже подружились, смотри-ка! — воскликнул Майкл и выкинул бычок в урну. —

Чувствуешь себя нормально?

— Потрясающе, — ответил я, затем выбросил остатки сигареты в мусорку, и мы отправились дальше разделять трапезу с нашими дамами.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ПРИНЯТИЕ. ГЛАВА I

"Некоторые люди наслаждаются дождем, другие просто промокают"

Bob Marley

Сборы заняли все выходные. Мне пришлось купить дополнительный чемодан для вещей. Я взял самое необходимое, но, так как мы отправляемся на месяц, для этих самых вещей потребовалось гораздо больше места, чем ожидалось с самого начала. Завтра после полудня у нас забронирован рейс в Остин, но для начала нужно будет прибыть в Шарлотт — самый крупный город в Северной Каролине, ведь именно оттуда мы начнем путешествие. С минуты на минуту должна прийти мама для того, чтобы попрощаться и принести купленные ею лекарства в дорогу.

Когда я поставил чайник, раздался звонок в дверь. Пока мама распаковывала пакет с медикаментами, я наливал чай.

— Обязательно звони мне.

— Конечно, мам.

— Тебе нужны деньги?

— Нет, у меня их предостаточно.

— Дорогой билет?

— Около пятисот долларов с человека, не включая багажа, — ответил я.

— Что?! Кошмар! Это же жутко дорого, Норман! — с возмущением воскликнула мама.

— Думаю, вполне приличная стоимость, учитывая прямой перелет в Остин.

— Остин?! Вы же собирались в Калифорнию, или я что-то путаю? — она чуть не поперхнулась чаем.

— В следующий раз, прежде чем начинать кричать, могла бы поинтересоваться, как мы построили маршрут путешествия.

Мама закатила глаза, а я продолжил:

— Перед Сакраменто мы планировали остановиться в Техасе, чтобы по-настоящему насладиться и насытиться разнообразием нескольких штатов. К тому же, когда еще представится возможность выехать из Северной Каролины?

— Ты серьезно настолько уверен в себе?

— Нет, но... Я понимаю, что это прекрасная возможность провести время не в одиночестве и не в этом городе, в котором прожил всю свою жизнь.

Мама тяжело вздохнула. Я сидел напротив и взял ее за руку.

— Я же говорил тебе: все будет в порядке, мне же не с парашюта предстоит прыгать.

— Еще чего! Ты хочешь матери лишиться?! — секундное молчание. — Ох, Норман, я точно не смогу тебя остановить?

— Боюсь, что нет, — ответил я и мотнул головой в разные стороны.

— Тогда... — мама полезла в карман за чем-то, я лишь продолжал следить за ее действиями.

Немного помешкав, она достала часы. Те часы, которые когда-то носил папа.

— Откуда они у тебя?

— Твой отец попросил отдать их тебе, когда я буду готова это сделать. Мне кажется, что сейчас настал этот момент. Они твои.

Дрожащими руками мама положила часы в мою ладонь. Опять истоки прошлого

породили во мне чувства беспокойства и скорби.

— Спасибо... — лишь спустя несколько минут ответил я. — Я тоже скучаю по нему.

Прозрачная слезинка, подобная стеклу, скатилась по щеке мамы. Я понимал, что, если мы продолжим говорить на эту тему, то итог не будет сулить ничего позитивного.

— Завтра рано утром меня уже не будет в городе.

— Значит, мы видимся в последний раз? — вытирая лицо, спросила мама.

— Да.

— Я надеюсь, что вы хорошо проведете время, и ты останешься цел и невредим, — она старалась казаться собранной и уверенной, но дрожь в ее голосе давала о себе знать. Напоследок мама выдавила улыбку, которая была больше похожа на скорченную гримасу у человека, которому прищемили дверью мизинец. Она казалась такой несчастной и обиженной, что я немедленно встал, подошел и обнял ее.

— Не нужно слез. Я взрослый, со мной едут самые близкие люди, все будет хорошо.

Мама поцеловала меня в щеку и прижалась сильнее прежнего.

Именно в самые тяжелые моменты нашей жизни мы начинаем понимать, что такое материнское сердце, и какую безграничную любовь оно распространяет на своего ребенка. Каким бы черствым и грубым я не был, знаю, что мама наполняет мою жизнь смыслом. Чем старше становится человек, тем больше в любви и заботе будет нуждаться его мать. Никогда не нужно стесняться быть добрым и нежным по отношению к матери, ведь она одна, кому все равно на промахи сына или дочери, потому что это ее кровь и плоть.

С самых первых минут своей жизни я был окружен заботой мамы, и можно подобрать огромное разнообразие теплых и достойных слов, но вряд ли они смогут отразить всю полноту моих чувств к ней. Я обожаю этого человека, и поэтому уверен, что именно на этом месте, именно в таком положении мы будем стоять и плакать после моего приезда.

От Конкорда до Шарлотт почти пятьдесят километров. Майкл вызвал такси до аэропорта Шарлотт Дуглас (Charlotte Douglas). Я перепроверил свой багаж, оглядел квартиру, и, наконец, закрыл ее на ключ, который отдал консьержу. Снаружи меня ожидало вызванное такси, в нем уже сидели Эсми и Майкл. Бросив чемоданы в багажник, я устроился на переднем сидении.

— Теперь за Анной? — спросила Эсми, я кивнул, затем назвал адрес водителю.

Прибыв на место, я вышел из машины. Собравшись с мыслями и совладав со страхом, я направился ко входу в дом. Внутри слышались возмущенные крики. Прошла буквально пара секунд, как дверь распахнулась и выскочила Анна.

— Ох, Норман, вы уже приехали? Со своей семейкой я потеряла счет времени.

На ходу чмокнув меня, она выкатила свои вещи.

— Анна, что случилось? — я не двинулся с места.

Внезапно выбежала разъяренная миссис Льюис. Она казалась мне не лучше мегеры.

— Аннабель Оливия Льюис! Ты никуда не поедешь!

От услышанного полного имени Анны у меня, наверное, глаза стали шире положенного.

— Мама, я все тебе сказала! Оставьте нас в покое! — Анна схватила меня за руку и дернула в сторону такси, в окно которого уже высунули головы мои друзья-наблюдатели, даже таксист приоткрыл стекло машины.

— Ты не можешь уехать неизвестно куда с этим! — миссис Льюис ткнула своим корявым пальцем в меня, потом обратила взгляд на машину. — Он еще и друзей своих

прихватил?! Отлично! Ты точно остаешься дома!

— Мама!!!

Я отпустил руку Анны и повернулся лицом к ее матери.

— Уважаемая миссис Льюис, я...

— Лучше молчи, Норман! Из-за тебя она совсем потеряла голову и не понимает, что творит. Какая Калифорния?! Вы с ума сошли? Ты же больной!

— Мама, закрой свой рот!

У меня отвисла челюсть.

— Анна, детка, может не стоит? — почти шепотом спросил я.

— Норман, не трогай меня сейчас! — кажется, в ней бушевала тысяча демонов. — Как ты смеешь так оскорблять людей?! Кто тебе дал на это право? Мне кажется, что это тебе уже нужна помощь, ты понимаешь, что выглядишь глупо и позоришь меня?! Я не маленькая, сама могу решать, куда и с кем мне ехать! Если ты попытаешься снова меня остановить, я никогда не вернусь в этот дом, понятно?!

На пороге появился отец Анны.

— Аннабель, милая, может, ты все-таки прислушаешься к нам?

— Я достаточно вас наслушалась, пап, позвольте мне самой выбирать.

— Что ты с ней церемонишься? Ты не видишь, какой она стала? Для нее уже не существует правил!

— Так ты считаешь, что я всю свою жизнь должна быть прилежной девочкой, которая будет выполнять твои требования беспрекословно?! Ты точно свихнулась. Норман, пойдём отсюда.

Она вновь схватила меня за запястье, но в этот раз я поддался. Взял ее чемоданы, и мы направились к машине. Я услышал, как миссис Льюис тронулась с места, но отец Аннабель ее остановил. Может, спустя месяц отсутствия их дочери, они поймут, что ошибались?

— Анна, ты точно в порядке? — спросила Эми.

— Теперь точно, — холодно ответила Аннабель.

Водитель нажал на педаль газа, и мы тронулись с места. Такси с каждым метром отдалялось от дома Аннабель. Некий осадок после встречи с ее родителями образовался у меня в душе, который вскоре растворился в пути под действием налетающих молекул ветра и предвкушением удивительного путешествия.

По дороге в аэропорт мне стало немного не по себе, и я отключился. После пробуждения принял необходимый препарат, дабы придать дальнейшую активность организму.

— Почти приехали, — пробасил водитель такси.

Несколько лет назад Шарлотт Дуглас занял первое место в списке наиболее динамично развивающихся аэропортов США и вошёл в число тридцати аэропортов мира по показателю объёма пассажирского потока в год.

С виду ничем не отличается от остальных, что мне приходилось видеть раньше.

Расплатившись, мы направились на регистрацию. Пока Майкл получал посадочные талоны с биркой для получения багажа в Остине, я направился сдавать чемоданы.

Через полчаса мы сидели в зале ожидания. Что интересно: по территории этого зала установлены искусственные деревья, которые придают природную загадочность помещению. Маме бы здесь понравилось, она любительница всего, что связано с лесом и

растениями.

— Я пойду возьму что-нибудь попить, — сказала Анна.

— Я схожу с тобой, — встал я.

— Не задерживайтесь, — предупредил Майкл.

— Почему ты не рассказала родителям об отъезде? — чуть отделившись от ребят, спросил я.

— Если бы они узнали об этом раньше, то они бы заколотили мои комнату и окна гвоздями, чтобы наверняка убедиться в том, что я не сбегу. Теперь ты понимаешь, насколько они сумасшедшие? Я так рада, что не буду видеть их все это время.

Я взял за руку девушку, чтобы остановить.

— Сейчас ты со мной, и все будет отлично. Мы вместе, и что бы ни случилось после поездки, у нас есть этот месяц.

Анна нежно прикоснулась своими мягкими губами к моим. Я ощутил слабый вкус мятной конфеты, которую она съела еще в такси.

— Спасибо, — прошептала Аннабель, когда наши лбы соприкоснулись.

— За что?

— За все это. За этот момент.

— Не тебе меня благодарить.

Еще раз чмокнув ее в щеку, мы все-таки направились к буфету.

Прозвучало объявление о посадке на рейс №АА-644. Наш рейс. Предстояло лететь три часа до аэропорта Остин Бергстром (Austin-Bergstrom). Оказавшись снаружи, звук громкого мотора самолетов оглушил нас. Что-то внутри меня будто оборвалось.

— Норман, что с тобой? — с испугом на лице спросила Эсми.

Я не понимал, что происходит. Все уставились на меня.

— Ты жутко бледный, — проведя рукой по моему лицу, сказала Аннабель.

— Черт! — рявкнул Майкл.

Мы оба понимали, что вот-вот у меня начнется приступ. Осталась пара метров до самолета.

— Скорее! — воскликнул Майкл и подхватил меня с одной стороны, а Анна с другой, Эсми взяла наши сумки, к счастью, которых оказалось немного. Пришлось просить людей пропустить нас, из-за чего стало очень неудобно и стыдно. Я чувствовал, как онемела правая нога. Левая продолжала функционировать нормально, с помощью нее и ребят я кое-как забрался по лестнице в салон самолета. Когда мы добрались до нужных мест, начала отказывать вторая нога.

— Норман, где таблетки? — спросил Майкл.

— Кломипраamil во внутреннем кармане портфеля.

Спустя несколько минут после принятия препарата, тело пришло в норму.

— Порядок? — спросила Эс, продолжая беспокоиться.

— Да. Спасибо, простите меня.

— Все хорошо, — сказала Анна, и мои друзья улыбнулись.

Во время приступа катаплексии все пялились на меня, как на улице, так и в самолете. Неужели так интересно наблюдать за больным человеком? Вновь волна ярости и стыда охватила меня с ног до головы. На секунду я задумался о том, что, возможно, мысль уехать из города оказалась плохой затеей. Голос Аннабель вырвал меня из раздумий.

— Не переживай, все прошло неплохо, согласись?

— Да, но это единичный случай. Что будет дальше?

— Эй, не падай духом. Кто говорил, что все будет отлично? Мы с тобой.

Она положила голову мне на плечо. Самолет начал готовиться ко взлету. Я тяжело вздохнул. Аннабель достала mp3-плеер, вставила один конец наушника в свое ухо, другой предложила взять мне. Мы слушали музыку и смотрели в окно самолета. Маленькие крыши домов и различных зданий казались такими ничемными и маленькими, реки тонкими блестящими линиями рассекали местность, зеленым фоном простирались леса и поля штата, но через некоторое время этот вид закрыла пелена облаков.

Эсми и Майкл о чем-то разговаривали. Вскоре Анна заснула, я убрал плеер в ее сумку и продолжил наблюдать за видом из иллюминатора. Погода была очень хорошая, облака настолько пышными, а солнце таким ярким, что я невольно забыл обо всех своих проблемах и просто наслаждался моментом.

Через полчаса Аннабель проснулась.

— Отдохнула? — спросил я шепотом, чтобы не отвлекать окружающих пассажиров.

Она кивнула головой.

— Ты не спал? — спросил она.

— Нет.

Через стекло иллюминатора просочился луч ослепительного солнца, который светил прямо в глаз Анны. Она нелепо морщилась, что казалось мне безумно забавным.

— Я, конечно, люблю солнечную погоду, но, увы, не сейчас, — сказала Аннабель и закрыла окно.

Эсми и Майкл все никак не могли угомониться и продолжали болтать.

— Ты давно знаком с ними? — тихонько спросила Анна.

— С Майклом общаюсь около десяти лет, а с Эс столько же, сколько и он, — шесть.

— Они очень заботливые и милые, — улыбнулась Анна.

— Да, мне безумно повезло с ними, — наши взгляды встретились, я дотронулся указательным пальцем до миниатюрного носика девушки, после чего она с улыбкой поморщилась. — И с тобой.

Аннабель нежно смотрела на меня, ее глаза блестели, словно две капельки росы. Прошли секунды, и наши губы слились в страстном поцелуе. Касание ее губ было очень нежным и мягким, из-за чего поцелуй казался таким сладким, что не хотелось останавливаться.

— И что ты творишь со мной? — прошептал я Анне в рот.

— Голубки, простите, что отвлекаем, но нам принесли напитки, — саркастично произнес Майкл.

Анна усмехнулась, и нам пришлось прерваться.

Я сделал глоток заказанного кофе. Остаток полета мы провели за болтовней и шутками, поэтому даже не заметили, как истек срок нашего пребывания в пути.

Было время, когда мне казалось, что до следующей минуты мне не дожить.

А. Камю «Падение»

Когда мне было пять лет, мама и папа водили меня на детскую площадку, где была куча таких же мелких детишек, как и я. Вместе с ними я играл, развлекался, а родители наблюдали за тем, как мне весело, и видеть улыбку на их лицах было самым лучшим подарком для меня. После площадки мы всегда ходили в придорожное кафе, в котором нас угощали самым вкусным коктейлем из всех, что приходилось пробовать. Как тогда помню шутки отца и смех мамы, похожий на звон колокольчиков, я был самым счастливым ребенком в те времена. Времена, когда у меня была полноценная семья.

Помню, когда я достиг десятилетнего возраста, отец подарил мне велосипед. Родные устроили грандиозный праздник в честь моего дня рождения, на котором и вручили мечту, о которой я грезил два года. Я всегда считал, что именно мои мама и папа — самые лучшие родители, каких нет ни у кого.

В возрасте четырнадцати лет я и представить не мог, что могу быть так счастлив. Мы переехали в новый дом. Дом моей мечты! Его строительство отец начал еще до моего рождения, и мысль о том, что теперь мы будем в нем жить, не давала мне покоя. Я ликовал. Обосновавшись в доме, похожем на особняк, наша семья стала еще дружнее и крепче.

Однажды прибыв домой после школы, я принялся за уроки. Отец уехал в командировку в другой штат для разработки какого-то нового проекта, а мама что-то готовила на кухне. Все началось с того, что я услышал, как куча тарелок разбилась о пол. Отбросив тетради, кинулся вниз. Мама стояла около груды разбитой посуды, держа в руке телефон, и смотрела прямо мне в глаза. Трубка медленно начала сползать вниз и в конечном итоге упала в осколки. До сих пор помню каждую деталь этого момента.

— Мам? — осторожно спросил я, начал очень аккуратно и медленно подходить к ней. — Что случилось?

Она начала опускаться на колени, но я успел перехватить ее за локти, чтобы уберечь от порезов. Оттащив нас на несколько метров, я поджал ноги под себя, а мама легла на них.

— Норман, — еле слышно начала она. — Сынок...

Мое дыхание участилось, я продолжал сидеть в иступленном состоянии.

— Что? Мама, что произошло? Расскажи мне.

— Твой отец, — она закрыла лицо руками, и дикий крик вырвался из ее рта. — Его больше нет!

Не помню, сколько времени молчал: может несколько минут, может и час вовсе. Во рту пересохло, дыхания не хватало, казалось, что из комнаты выкачали весь кислород, я забыл, кто я и где нахожусь. Состояние, которое мне пришлось испытать тогда, никому не пожелаю ощутить, даже самому заклятому врагу.

Мы находились в таком положении не меньше часа. Мама плакала, я же продолжал сидеть, наблюдая за одной точкой, которую сам себе вообразил.

Спустя несколько дней нам доставили тело отца. Тело. Каждый раз, когда произношу это слово, множество невидимых кинжалов будто пронзает мое сердце. Я никогда не смирюсь с тем, что произошло. Никогда.

Для того, чтобы устроить достойные похороны и продолжать дальше жить, нам

пришлось продать дом. Принимая это решение, мама ночами не спала, рыдая в подушку. Мы лишились отца и мужа, который не давал падать духом, благодаря ему у нас всегда было все самое лучшее. Отец никогда не жалел себя, полностью отдавался работе, но даже после тяжелого трудового дня он находил силы для проведения нескольких незабываемых часов со своей семьей.

Прошло достаточно времени для того, чтобы «шрамы на моем сердце заросли», но этого, увы, так и не случилось... Я всегда буду помнить отца и все, что с ним было связано, даже смерть.

— Норман, вставай! Мы приехали, — меня разбудил голос Майкла, который уже расплачивался с таксистом.

Наш выбор пал на отель Hilton Austin. Очень масштабное здание, расположенное в центре города. Начинало смеркаться, но я успел разглядеть будущее место нашего проживания: стены выкрашены в бежевый цвет, кое-где он проявлялся в более темных оттенках, довольно интересная концепция постройки, которая не может не привлечь внимание. Специальные огни и различные лампы уже освещали отель.

Покинув такси, я будто оказался в другом мире. Шум машин, громкие разговоры людей, живая музыка — все это было не свойственно моему городу, но Остин — абсолютная противоположность Конкорду. Возникло чувство, что я провел все свое существование в каком-то подвале, а теперь выбрался наружу и увидел настоящую жизнь, которая, как оказалось, наполнена свежестью и позитивом.

У входа в отель нас встретил портье, который был готов принять наш багаж. Мы взяли два номера, находящиеся на одном этаже: один для нас с Анной, другой для Майкла и Эми. Холл оказался очень просторным, в углах которого были напичканы всевозможные виды растений — именно это немного раздражало. Персонал показался мне довольно дружелюбным и ответственным.

— Встретимся через полчаса на первом этаже, — сказала Эми и утщила Майкла в номер.

Аннабель и я последовали их примеру.

— Ничего себе! — воскликнула Анна, не успев осмотреться. — Норман, ты только посмотри, какой огромный!

Номер действительно оказался очень большим. В нем преобладали как светлые, так и темные тона, мебель казалась довольно дорогостоящей, в целом, он произвел хорошее впечатление. Портье оставил нам багаж со словами:

— Приятного отдыха, — затем поспешно удалился.

— Я в душ, хочется смыть с себя пыль, накопившуюся в дороге, — сказала Анна, заходя в ванную комнату. — Ты со мной?

Мы улыбнулись друг другу, понимая, что нас ждут секунды, минуты, часы и дни блаженства друг с другом. Аннабель набросилась на меня, как дикий голодный зверь, увидевший большой кусок мяса. Мы упали на огромную кровать, которая прогнулась под нашими телами. Анна захохотала так громко, что мне пришлось прикрыть глаза из-за звуковой волны, нахлынувшей так неожиданно. Я начал снимать с нее толстовку и джинсы, а она в ответ стащила с меня футболку и спортивный штаны.

— Скорее! Пошли, — простонала Анна, поднимаясь с кровати и протягивая мне руку.

Я резко вскочил, закинул ее себе на спину и направился в душ. Пока Аннабель включала

воду, я продолжал высвобождать нас из одежды. Спустя доли секунды я прикоснулся к ее губам. Поцелуй был грубым, требовательным, но в то же время мягким и сладким. Она громко простонала мне в рот, после того как изгибы наших тел дополнили друг друга. Аннабель зарылась руками в мои волосы, притягивая меня ближе к себе и впиваясь ногтями в кожу головы. Пар заполнял пространство комнаты, а я с каждым вдохом мог чувствовать вкус и запах этой девушки. Наш поцелуй прерывался лишь для глотка воздуха. Оторвавшись от столь пленительных губ, я провел носом вниз по ее щеке и шее, горячее дыхание Анны окутывало мое лицо. Наши руки неистово бродили по телам друг друга, Аннабель направляла мою ладонь по желанным участкам ее кожи. Звуки нашего тяжелого дыхания с примесью стонов тонули в текущей воде.

— Чего ты хочешь, Анна? — спросил я, продолжая дразнить, покусывая ее кожу.

— Господи, Норман! — возмущенным тоном воскликнула Аннабель, что заставило меня засмеяться. — Ты знаешь, чего я хочу, черт бы тебя побрал!

Действительно. Я знал, чего она хочет, чего мы оба хотим. Повернув Анну к себе задом так, чтобы она смогла упереться о стену душевой кабины, наконец, вошел в нее. Девушка положила голову на мое плечо, и мы начали двигаться в унисон. Одной рукой я придерживал ее за талию, другая была сцеплена с ее. С каждым толчком я жаждал все больше и больше, мы настолько растворились друг в друге, что, казалось, время остановило свой ход. Наши тела двигались одновременно без особых усилий. Я покрывал поцелуями шею и плечи Анны, которая получала истинное наслаждение от происходящего, как и я, безусловно. Мы начали приближаться к концу: проникновения становились глубже, крики громче, а прикосновения яростнее. Тела мгновенно напряглись, мышцы сократились. Ничего не может быть прекраснее ощущения удовольствия, нараставшего внутри, которое, наконец-то, вырывается наружу.

Я расслабил хватку, Аннабель повернулась ко мне лицом и слабо улыбнулась. Я осторожно поцеловал ее в уголок рта. Девушка подошла ближе и обняла меня, опустив голову мне на грудь, я тоже заключил ее в объятия. Частота нашего дыхания постепенно уменьшалась. Вода продолжала литься, а мы стоять на месте. Интимность нашего объятия поразила меня с такой силой, что пересохло в горле. Теплое дыхание Анны расплывалось по моей коже, а каждый удар ее сердца отдавался у меня в груди.

После сегодняшнего мне показалось, что что-то изменилось. В ней, во мне, в нас. Еще ни с одной девушкой я не испытывал подобных ощущений. Возникло чувство, будто все барьеры опустились, а границы стерлись, и между нами больше не существует формальностей, секретов и недоверия. Она понимает меня, поддерживает и, несмотря на нарколепсию, не бросает. Я важен для нее. Она важна для меня. Мы оба понимаем, что чувствуем, однако сказать об этом не хватает смелости. Но, невзирая на это, продолжаем наслаждаться присутствием друг друга в наших жизнях, и я надеюсь, что это будет длиться долгое время, ведь именно она не дает мне сдаваться. Аннабель — мой поток свежего воздуха, благодаря которому я остаюсь собой.

— Знаешь, что я взяла с собой? — спросила Анна, когда мы вышли из плена ванной комнаты и начали распаковывать вещи, которые понадобятся нам в течение пяти дней.

— Я заинтригован.

Аннабель достала из чемодана белое платье, на которое я разлил пиво в пабе в день нашего знакомства.

— Не думал, что еще увижу его, — усмехнулся я.

Раздался звонок телефона. Немедленно сняв трубку, я услышал голос Майкла из соседнего номера.

— Вы готовы?

— Почти.

— Мы хотели предложить вам отправиться в бар несколькими этажами ниже. Что скажете?

Я бросил взгляд на Анну, которая незамедлительно кивнула.

— Через пять минут в холле.

Согласно совету Аннабель, я надел темные джинсы и рубашку того же тона, сама девушка выбрала платье темно-лилового цвета, которое прекрасно подчеркивало каждый дюйм ее идеального тела.

Внизу нас ждали ребята, уже успевшие заказать выпивку.

— Я предлагаю прямо сейчас пойти на знаменитую Шестую улицу, что думаете? — спросила Эс после того, как залпом выпила содержимое своего бокала.

— Кажется, я тоже слышала о ней! — воскликнула Анна. — Что скажете, мальчики?

Я и Майкл переглянулись, затем кивнули друг другу.

Каждый из нас выпил по порции заказанного алкоголя, а затем мы отправились на прогулку по ночному городу штата Техас.

Однажды я читал о том, что Остин признан одной из музыкальных столиц мира из-за проведения в нем различных фестивалей и конкурсов. Одно дело — читать, просматривая иллюстрации через монитор ноутбука, другое — увидеть все это собственными глазами. Честно признаюсь, удивительное зрелище! Прогуливаясь по улицам города можно заметить множество фонариков, освещающих улицы прохожим, на которых изображены звезды. Они являются неким символом Техаса, который свидетельствует о менталитете и гордости жителей за свой штат. Почти на каждой улице нет места, где не звучало бы живой музыки. Соло, дуэт или трио — каждый показывает свои музыкальные навыки, и мне кажется это потрясающим.

Наблюдая за вечерней рутинной Остина, держа чудесную девушку за руку, прогуливаясь по городу с самыми близкими мне людьми, я чувствовал себя лучше, чем когда-либо. Именно это мне и было необходимо: свобода и нужные люди рядом.

Наконец, мы пришли на Шестую улицу, усыпанную различными клубами, барами и пабами. Было настолько шумно, что я еле услышал, как Аннабель предложила расположиться на втором этаже клуба напротив. Наша скромная компания направилась туда. Обходя людей, мне казалось, что я ощущаю энергию каждого. Любой прохожий, попадавший под мой взор, сиял от удовлетворения, полученного в атмосфере волшебной Шестой улицы.

— Какие у нас планы на оставшиеся четыре дня? — спросил я, когда мы нашли свободный столик.

— Завтра можем отправиться на какую-нибудь экскурсию, — предложила Эсми. — Например, в Капитолий.

— Отличная идея! — поддержал Майкл свою возлюбленную.

Мы с Анной так же были полностью согласны с этой идеей.

— Потрясающее место! — почти проорала Аннабель мне в ухо. Я кивнул и приобнял ее за плечи.

С балкона открывался чудесный вид на происходящее: группа музыкантов исполняла что-то похожее на джаз или блюз, отдыхающие, в основном молодежь, делали произвольные движения руками и ногами, не волнуясь о том, что кто-то наблюдает за ними.

Я встал и потянул за собой Аннабель.

— Что? Куда? — опешила она.

Довольные Майкл и Эсми продолжали наблюдать за людьми внизу, но все равно поглядывали на нас.

— Пойдем, — сказал, и Анна вскоре сдалась.

Мы спустились на более шумную платформу, и я начал нелепо танцевать.

— Почему ты смеешься? — спросил я Анну, которая уже согнулась пополам от смеха. — Давай со мной?

Аннабель взяла меня за руки, и наши тела нашли согласие друг с другом.

— Ты ужасно танцуешь, — продолжала хохотать моя партнерша.

— Честно? Я впервые на танцполе!

— Серьезно? И как ощущения?

— Замечательные, потому что ты рядом, — темп музыки начал ускоряться, я подхватил Анну за талию и сделал три круга, затем опустил, наклонил и поцеловал. После того, как оторвался от сладких губ девушки, тяжелое дыхание стало учащаться. Несколько секунд мы молча изучали лица друг друга. Когда я рядом с ней, происходящее в округе не имеет смысла.

Вернувшись к ребятам, мы плюхнулись на диван.

— Ну, вы дали жару! — воскликнул Майкл.

— Да, мы наблюдали только за вами! — продолжила Эс.

В продолжение вечера мы разговаривали, выпивали, танцевали, смеялись, в общем, делали все, что хотели. Но в какой-то момент в голове начали отражаться странные звуки, и я отправился в уборную. Подождал, пока останусь один. Нащупав амфетамин в кармане джинс, принял его, запив водой из-под крана, и заодно умыл лицо. Несколько секунд я стоял и смотрел в зеркало, мысленно приводя в порядок свой организм.

Вернулся к друзьям и девушке.

— Все хорошо? — спросила Анна, чмокнув меня в щеку.

— Да, все хорошо, — ответил я, и мы продолжили развлекаться на знаменитой Шестой улице.

К полуночи, может позже, мы вернулись в Hilton Austin.

— Я так устала, просто ваюсь с ног! — простонала Анна и упала на кровать. Через несколько минут она уже спала. Аккуратно сняв с нее туфли и платье, я накрыл Аннабель одеялом. Она одной рукой схватила меня за ворот рубашки и притянула к себе. После недолгого, но яростного поцелуя, Анна отвернулась и засопела.

Налив из графина воду в стакан, я направился к балкону. Воздух снаружи так одурманивал и пьянил, что казалось, будто ты сливаешься с атмосферой природы и полностью растворяешься в ней. Если из окна квартиры в Конкорде я наблюдал за деревьями и кустарниками, которые окружали некоторые дома по соседству с моим, то здесь открылся вид на множество современных и масштабных зданий, состоящих из сотен этажей и поражающих своей величием.

Вдыхая свежий воздух и наслаждаясь ночным Остином, я и забыл, сколько здесь нахожусь. Сделав последний глоток воды из стакана, я, довольный прошедшим днем,

отправился спать.

"Жизнь — как фортепиано. Белые клавиши — это любовь и счастье. Черные — горе и печаль. Чтобы услышать настоящую музыку жизни, мы должны коснуться и тех, и других..."

Мое пробуждение оказалось чрезвычайно ранним. Аннабель еще сладко спала, не хотелось ее будить. Приняв прохладный душ и одевшись, я отправился в ресторан, что расположен выше этажом. Понятно, что самый популярный формат завтрака — шведский стол, и наш отель не исключение. Я наполнил кружку горячим кофе, разбавил его сливками, взял пару круассанчиков для себя и Аннабель, не обошлось и без фруктов. Заполнив тарелку едой, выбрал небольшой столик у окна.

Воспользовавшись моментом в одиночестве, я решил, что нужно поговорить с мамой и набрал ее номер. Буквально через несколько секунд она ответила:

— Норман! Дорогой, как вы там? Доехали? Ничего не произошло в дороге? Ох, я так волнуюсь, места себе не находила, ждала звонка. Ну, не молчи же!

— Да ты не даешь возможности даже поздороваться, мама. У нас все хорошо, заселились нормально, отель отличный.

— Как я рада тебя слышать, даже не представляешь! Чем планируете заниматься?

— Сегодня хотим отправиться на экскурсию в Капитолий, потом, может быть, прогуляемся. У тебя как дела?

— Все как всегда, не волнуйся. Не забывай про меня в своем путешествии.

— Никогда.

— Ну ладно. С Аннабель все хорошо?

— Да, прекрасно. Она замечательная, — я сделал глоток кофе.

— Хорошая девочка, не ссорьтесь.

— Я тебе еще позвоню.

— Конечно, сынок, в любое время. Удачного отдыха, люблю тебя, милый.

— И я тебя, пока.

Я откусил кусочек круассана с шоколадом. Прожевывая его, осматривал помещение, в котором находился. Дизайн интерьера этого ресторана напоминал кантри: преобладание теплых, пастельных тонов, отражавших самобытность деревенских домов, смесь изысканности и простоты в расстановке мебели. Считаю, что именно этот стиль сильнее всего приближен к природе и создает комфорт и удобство.

Когда я взял кружку с кофе, четыре больших пальца онемели и потеряли возможность движения. Горячая волна напитка окатила мою руку, чашка раскололась о пол.

— Дьявол! — рявкнул я и случайно дернул скатерть со стола так, что все содержимое оказалось на полу.

Нет. Нет. Нет. Почему сейчас? Официанты подбежали ко мне, предлагая помощь.

— Отойдите от меня! Я сам все приберу!

Одной рукой я кое-как начал подбирать остатки еды с пола. Остальные завтракавшие в ресторане выставили свои любопытные носы в мою сторону.

— Что в этом интересного?! Вы не в цирке! Продолжайте есть, желаю не подавиться! — проорал я во всю глотку.

Постепенно начала обездвиживаться вся рука. Выбросив в урну все, что я подобрал, быстрыми шагами направился к столу с напитками. Наполнил стакан водой, достал препарат

от приступов уже привычной катаплексии и принял его. Сел на то же место, где был раньше. Работники ресторана убирали устроенный кое-кем беспорядок.

Какое же я ничтожество. Иногда я сравниваю себя с несчастными обездоленными мушками, попавшими в сеть большого паука, которые барахтаются и пытаются выбраться из этого плена, но, увы, у них ничего не получается, ведь вскоре паук съедает свою жертву. Я то самое насекомое, но нахожусь не в паутине, а в заточении нарколепсии, которая не отпускает мое тело и сознание на волю.

Я продолжал сидеть в одном положении достаточно продолжительное время. Наблюдал за счастливыми людьми в помещении, в кругу которых наверняка нет человека, омрачающего их жизни и являющегося обузой.

Неожиданно в зал ресторана с подносом вошла Эсми. Одна. Оглядевшись, она сразу заметила меня.

— Что здесь произошло? — спросила Эс, указывая на стол и пол, которые потерпели неприятности из-за меня. Я поднял глаза на подругу.

— Ох, Норман, ты принял лекарство?

Я кивнул.

— Не говори остальным. Не хочу, чтобы меня жалели и утешали.

— Что ты такое говоришь? — она присела рядом. — Мы вовсе не жалеем тебя, а проявляем заботу.

— Зачем вы позвали меня с собой? Хотели помянуть?

— Позвали, потому что любим тебя, почему ты не можешь принять этот факт? Я и Майкл хотим, чтобы ты был счастлив, поэтому эта поездка должна стать началом твоей новой и беззаботной жизни. Вместе с Анной.

— Не такой уж и беззаботной, — я тяжело вздохнул.

— Перестань! Все образуется, — Эсми взяла с подноса яблоко. — Хочешь?

Я взял фрукт и откусил кусочек.

— Вот, так-то лучше, — Эс приподняла уголки рта.

— Спасибо. Почему ты одна? Где Майкл?

— Он еще спит, я решила позавтракать первой, а потом принести ему еды в постель, — она сделала глоток апельсинового сока.

Я ухмыльнулся.

— Что такое? — поинтересовалась Эсми.

— Я планировал сделать то же самое для Анны.

Эс улыбнулась.

Проводя время за завтраком, мы делились впечатлениями, которые произвел на нас вчерашний день. Покажется странным, но спустя минут десять к нам присоединились Аннабель и Майкл.

— И почему вы не сказали нам, что ушли? — крайне возмущенно спросила Анна. Она села рядом со мной.

— Эсми, я что-то не понял? Могла бы и предупредить, — целуя в щеку, аналогичным Анне тоном произнес мой друг.

— Хотела устроить тебе сюрприз.

Эсми изредка поглядывала в мою сторону, но я взглядом давал ей понять, что не стоит рассказывать о том, что здесь произошло.

За завтраком мы обсудили планы на день: экскурсия в Капитолий, прогулка к

знаменитому мосту, затем отдых в парке.

Несмотря на то, что в Капитолии работают губернатор штата Техас и правительство, он открыт для свободного посещения семь дней в неделю, поэтому попасть туда не составило никакого труда.

Территория Капитолия со всеми прилегающими к нему лужайками, культурно-историческими памятниками и фонтанами невероятно огромная.

Гид нашей экскурсии оказался очень опытным. В Капитолии мы провели где-то четыре часа. Громадное и по-настоящему потрясающее здание было построено из розового мрамора в период с 1882 по 1888 года. Удивительно, но его высота на семь метров выше самого главного Капитолия в Вашингтоне.

После мы отправились к мосту, под которым в невероятном количестве обитают летучие мыши. Известно, что каждый вечер с ранней весны по осень огромные тучи летающих вампиров вылетают на охоту, и множество туристов могут за этим наблюдать.

Парк — любимое место отдыха горожан: кто-то занимается спортом на свежем воздухе, кто-то гуляет с собакой, кто-то просто наслаждается тишиной и покоем этого прохладного зеленого оазиса посреди городской суеты. Вот и мы решили в качестве туристов провести время в одном из парков Остина. В нем есть небольшой холм, на вершине которого открывается чудесный вид на даунтаун, а также нанесена большая карта всего штата Техас, где Остин, как столица, отмечен звездой.

Отдыхая и наслаждаясь моментом, я пришел к выводу, что из небольшой деревушки на берегу реки Колорадо Остин превратился в большой и красивый город, который не потерял своей яркой, истинно тexasской индивидуальности. Никогда не пожалею об этой поездке.

— Может, разделимся? — спросил я у друзей.

— Хочешь избавиться от нас, Андерсон? — ухмыльнулся Майкл.

— Возможно.

— Тогда встретимся в отеле, мы по магазинам! — воскликнула Эми и незамедлительно вскочила, хватая Майкла за локоть. Он с улыбкой закатил глаза, и через несколько минут друзья скрылись за шелестящей листвой деревьев.

— А мы что будем делать? спросила Аннабель.

— Прогуляемся.

Мы отправились на Восточную улицу, ближе к тем местам, которые посещали прошлой ночью. Уже темнело, толпы народа выходили на улицу, из окна почти каждого дома доносились звуки музыки, я и Анна вновь ощутили настроение и атмосферу вечернего Остина.

Прогуливаясь за руку, мы разговаривали обо всем на свете. Аннабель — именно тот человек, с которым можно беседовать о чем угодно и не переживать о проблемах.

— Смотри! — произнесла она и указала на небольшой тату-салон, находившийся от нас в паре метров. Мне не понравился взгляд, с которым девушка посмотрела на него.

— Ты хочешь зайти?

— Почему нет? Пойдем! Всегда мечтала о тату.

С открытым ртом мне пришлось все-таки последовать за Анной. Внутри салона играл тяжелый рок или что-то вроде того. Аннабель направилась к стене с различными видами тату и их значениями. Мне вновь предстояло идти за ней. Различного вида рисунки и цитаты заполняли пространство стен тату-салона. Я пристально изучал каждую цитату, но

единственная зацепила меня: "Si vis pacem, para bellum". Казалось, что она отражает всю действительность современного мира.

— Хочу эту! — воскликнула Анна и показала на цитату: "Vivere est agere".

— Ты серьезно решила это сделать? — на секунду я подумал, что у меня глаза сейчас полезут на лоб.

— А что мне мешает? Я действительно хочу тату. Можно вот эту, пожалуйста? — она обратилась к мастеру. Крупнее Аннабель раза в три, бородатый, весь в наколках и с грубым голосом, он пригласил Анну в кресло, затем начал готовить приборы. Я еще раз спросил девушку о ее уверенности, но она и слушать не желала.

Процедура длилась несколько часов, в течение которой Анна вела себя крайне спокойно, что меня поразило, ведь я думал, что делать татуировки очень больно и неприятно. Аннабель набили цитату на пояснице.

Заплатив за наколку, мы вышли из салона.

— Ты в порядке? — спросил я.

— Да, ты не злишься?

— Теперь это не имеет смысла.

— А мне кажется, что татуировка получилась классной, тем более я попросила сделать ее на таком интимном месте, — она приподняла брови.

Из-за тона, с которым Аннабель произнесла эти слова, я рассмеялся, а затем обнял ее. Свет, исходящий от фонаря, рядом с которым мы стояли, освещал прекрасное лицо Анны, темно-русые волосы хоть и находились в растрепанном состоянии, все же придавали изысканность ее отточенным линиям и изысканным формам. Наверное, даже самый талантливый художник мечтал бы написать ее портрет — настолько она была совершенна. Я глубоко вздохнул, подался вперед и впился в ее губы своими. Аннабель обвила мою шею руками, отвечая на поцелуй. Оторвавшись, я подушечкой большого пальца провел по ее нижней губе, затем пальцы скользнули по подбородку, несколько секунд просто смотрел на нее.

— Пойдем в отель, — простонал я.

С хитрой улыбкой Аннабель схватила меня за руку, и мы отправились в Hilton Austin.

В следующие несколько дней мы посетили остальные достопримечательности Остина: озеро Леди Берд Джонсон, названное так в честь жены президента Джонсона, окрестности знаменитого Техасского университета, некоторые познавательные и увлекательные музеи и, конечно же, парки.

С каждым днем я все больше поражался этому по-настоящему урбанистическому городу. Остин оказался местом, в котором от заката до рассвета и наоборот проходят различные мероприятия, посвященные музыке, искусству и многим сферам человеческой жизни. На мгновение мне показалось, что именно столица Техаса является эпицентром настоящей яркой жизни, которую хочется проживать снова и снова.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Остин оставил о себе исключительно положительные эмоции. Чистота, красота, широкие проспекты и длинные улицы, архитектурная самобытность, насыщенно-зеленые парки, и, более всего, уникальная творческая энергетика, позволяющая городу одновременно являться мировой столицей живой музыкой, сердцем Техаса и высокотехнологичным мегаполисом, устремленным в будущее, — все это не могло не произвести восхищенное

впечатление.

Пять дней пролетели очень незаметно, но вскоре мы начали собирать чемоданы. За несколько дней до вылета в Сакраменто, я и Майкл успели заказать билеты. Лететь предстояло с пересадкой, что очень неудобно. В Денвере, до которого наш путь составит два часа, мы проведем час, ожидая рейс до Калифорнии. Очень надеюсь, что все пройдет гладко и без осложнений.

Покинув чудесный отель и поблагодарив обслуживающий персонал, мы вызвали такси и отправились в уже знакомый нам аэропорт. Перед входом я остановил Аннабель со словами:

— Обещай мне, что, когда мы вернемся домой, ничего не изменится между нами.

— Почему ты просишь об этом? — с испугом в глазах спросила Анна.

— Потому что боюсь тебя потерять.

— Этого не произойдет, Норман, потому что...

— Почему?

— Потому что я люблю тебя, — она произнесла эту фразу со скоростью, подобной вылетающей пуле из дула пистолета, затем отвела от меня взгляд. Я рукой взял ее за подбородок и взглянул в карие глаза, которые уже были наполнены слезами.

— Почему ты снова плачешь?

— Потому что ты не представляешь, что я чувствую по отношению к тебе! — воскликнула Анна. — Я думаю о тебе всегда, даже когда ты рядом. Я люблю тебя, Норман, я так сильно люблю тебя!

— Аннабель, детка, — я приобнял ее за плечи. — Я как раз представляю, что ты чувствуешь, потому что... Потому что тоже люблю тебя, я полюбил тебя с той самой секунды, когда ты вошла в паб с извинениями, хоть и не помню за что, когда впервые увидел тебя, сладко спящую у моей койки в больнице, когда подарил тебе те чертовы тюльпаны! Все это время я любил тебя, Анна.

По ее щекам без остановки текли слезы, я и сам почувствовал влажность у своих глаз. Черт возьми, во что меня превратила эта девушка?!

Сколько мы простояли в обнимку у входа, наверное, не знал никто. Аннабель шепотом и беспрестанно повторяла:

— Я люблю тебя.

"Живите полной жизнью. Она летит быстро, и с каждым годом всё стремительнее. Вначале, мы представляем себе лишь долгое будущее, а под конец лишь долгое прошлое. У нас в распоряжении только настоящее..."

Януш Леон Вишневский "Любовь и другие диссонансы"

Раньше я мало слышал о Сакраменто, но, находясь в самолете, нашел некоторую информацию о городе. Пока Майкл, Эми и Анна отдыхали от утомительного, но по-настоящему замечательного путешествия по Остину, я изучал столицу Калифорнии.

Свою историю Сакраменто начал еще с 1848 года, когда сын одного швейцарского эмигранта основал там форт и маленькую торговую компанию. Уже через несколько лет это место получило статус города, а в 1854 году стало столицей Калифорнии.

«В середине 20 века Сакраменто превратился в один из самых влиятельных промышленных центров Калифорнии со своим собственным железнодорожным вокзалом, внутренним и международным аэропортами и огромным портом. В окрестностях Сакраменто находится одна из самых крупных баз дислокации военно-воздушных сил США», — прочитал я на одном из сайтов.

Судя по описанию, город пользуется популярностью и престижем. Надеюсь, мы не останемся разочарованными.

Приземлившись в Денвере, наша компания отправилась в одно из кафе близ аэропорта. Каждый из нас выпил по чашке свежего кофе, дабы придать своему организму хоть какой-то подзарядки.

После нашего с Аннабель признания в чувствах, у меня будто камень с души упал. Стало легче. Хотя и после нескольких перелетов во мне смешались усталость и злоба, которые порождали наступление симптомов болезни, я все же чувствовал себя счастливым. Первые дни путешествия были преисполнены истинным наслаждением и удовольствием, поэтому проклятая нарколепсия не наносила таких тяжелых ударов по моему душевному состоянию, как это было раньше.

Удивительно, что появление нового человека в твоей жизни, для которого ты являешься чистым белым листом с неизвестной историей прошлого, может все кардинально изменить. Аннабель подарила часть своего тепла и крупицу нежности, которые стали для меня своеобразным эликсиром. Несколько месяцев, проведенных с этой девушкой, превратили мою жизнь в совершенный мир, в пределах которого я могу быть с ней, когда хочу и где хочу, без всяких секретов и грязи. И вот теперь, когда точно осознаю, что люблю ее, а она любит меня, я начинаю принимать себя таким, какой есть. Мог ли я когда-нибудь представить, что окажусь на другом конце страны с родными мне людьми? Общаясь и проводя время вместе с ними, я забываю о своем теле и о боли, которая пронзает меня каждый день. Вера друзей, их поддержка — это и есть одна из стадий исцеления и принятия себя. Я уже начинаю ощущать, как эта поездка компенсирует те ужасающие три года моей жизни.

Покинув небольшое кафе, мы отправились обратно в аэропорт. По дороге в него мы, не торопясь, прогуливались по окрестностям, наполняя свои легкие свежим воздухом. Только сейчас понимаю, что в каждом штате, в каждом городе воздух по-своему чистый и особенный. Мелкий дождик, который начал постепенно набирать свои обороты, заставил

нас ускориться.

До Сакраменто предстояло лететь еще два с лишним часа. Эти перелеты никогда не закончатся. Наше пребывание на самолетах стало настолько частым, что, когда мы вновь оказались высоко над землей, я не ощущал, что нахожусь в воздухе. Одно понял точно: никогда моя жизнь не была настолько яркой и динамичной до нарколепсии.

Наш новый отель — Hyatt Regency Sacramento. Очень светлое здание, выполненное в нежных тонах, внушающих размеров, окруженное различными пальмами и кустиками. Покинув салон такси, я не ощутил той небывалой энергетике, которую до меня донес Остин в первые секунды знакомства с ним, но это меня отнюдь не расстроило. По пути в отель улицы Сакраменто пестрили многочисленными девственными зелеными уголками, которые так и привлекали внимание прохожих и проезжающих. Город сразу показался полной противоположностью предыдущему — тихий и уютный. Выбор Эми и Майкла сразу стал очевидным.

Внутренне убранство отеля не отличалось особой роскошью, но являлось весьма солидным. Осведомив своих новых посетителей о располагающихся в Hyatt Regency Sacramento развлечениях, а также о структуре отеля и отдав ключи от номеров, обслуживающий персонал проводил нас в будущие места проживания.

Номера оказались хорошими, с прекрасным видом из окна и комфортной мебелью. Бросив свои вещи на пол, я и Анна плюхнулись на кровать, даже не просматривая остальные комнаты номера.

— Ты очень красивый, даже когда усталый, — с излишней нежностью произнесла Аннабель, переводя свой взгляд с одного участка моего тела на другой. — И я люблю тебя.

— Я тоже люблю тебя, детка, — с легкой усмешкой сказал я, целуя Анну в кончик носа.

После нескольких минут лицезрения друг друга мы и не заметили, как уснули.

На следующий день пребывания в Сакраменто наша четверка уже успела посетить Капитолий штата Калифорния. Он оказался не таким величественным, как в Техасе, но сочетал в себе всю утонченность строительной работы и оказал неизгладимое впечатление, заставляя восхититься собой.

Сакраменто, подобно Остину, тоже напичкан высокими современными постройками, но стоит оказаться на одной из тихих улиц этого города, как взгляд привлекают частички настоящей архитектуры: различные музеи, рестораны и магазины, стилизованные под старину зданий.

Наша скромная компания провела здесь чуть больше недели, посещая различного рода музеи, среди которых самым популярным оказался Железнодорожный, рестораны и множество магазинов. Конечно же, какой город не хранит в своих недрах парки, отличающиеся необычным рельефным расположением? В Сакраменто их около восьмидесяти, в некоторых из которых работают зоопарки и аквапарки, эти места тоже не избежали нашего посещения. Вся столица Калифорнии пропитана одурманивающим, тайным очарованием, теплотой и уютом, которые так и напоминают о приятном ощущении легкости и свободы.

Наконец дошла очередь до самого интересного — моста Tower Bridge — наиболее узнаваемого символа города. Это первый вертикальный подъемный мост в Калифорнии, который пропускает под собой речные суда по реке Сакраменто. Интересным мне

показался факт, который гласит, что цвет моста обновляется раз в тридцать лет.

Наша прогулка была запланирована на вечер. Аннабель и Эми проводили время в бассейне отеля, а я и Майкл сидели в баре, попивая слабо-алкогольные коктейли.

— Знаешь, что я хочу сегодня сделать? — загадочно спросил друг, поворачиваясь ко мне на барном стуле.

— И что же? — спросил я, опустошив свой стакан.

Майкл полез в карман и достал красную бархатную коробочку.

— Неужели?! — воскликнул я.

— Да тише! — он приставил большой палец к своим губам. — Не ори. Я арендовал небольшую яхту для четверых, хочу, чтобы ты и Анна находились рядом с нами в такой важный момент. Думаешь, Эс согласится?

— Ты еще спрашиваешь? Она и раздумывать не будет!

Оставшиеся несколько минут до выхода я и Майкл ожидали наших спутниц в холле отеля.

— Тебе нравится здесь? — спросил я у Анны, когда мы вышли наружу.

— Конечно, очень нравится! — улыбка, которая не может оставить никого равнодушным, вновь появилась на лице моей возлюбленной.

До пристани мы добирались на такси, через окно которого я снова смог насладиться удивительным Сакраменто. Именно путешествуя на наземном транспорте, можно по-настоящему познакомиться с местом, которое ты посещаешь. Культура, население и особенности их быта, флора, фауна — все доступно для просмотра, когда ты наблюдаешь за этим из машины.

Находясь в столице Калифорнии довольно продолжительно время, я успел заметить простоту в поведении и отношении людей, проживающих здесь. От жителей города веет такой теплотой и дружелюбием, что невольно хочется подойти и обнять каждого. Неудивительно, что это место обладает такой успокаивающей и умиротворяющей энергетикой, ведь атмосферу создают люди.

Яхта, арендованная Майклом, действительно оказалась небольших размеров. Каюта судна выглядела крохотной, но абсолютно современной и комфортабельной, а палуба располагала просторной территорией, на которой уже был накрыт стол и зажжены свечи.

Как только мы тронулись с места, множество крохотных огней, подобных светлячкам, освещающим путь заплутавшему туристу, заполнили пространство судна. Наша яхта, проскальзывающая через небольшие волны и слегка издающая шум от мотора, выглядела очень яркой и насыщенной в пучине вод реки Сакраменто. Прохладный ветер щекотал лицо, заставляя морщиться. Мы подъезжали к легендарному мосту. Завороженная происходящим, Эми не заметила, как Майкл опустился на одно колено прямо перед ней. Аннабель ближе прижалась ко мне, осознавая, что сейчас случится.

— Эми, любимая, — начал друг, взяв миниатюрную ручку Эс в свою. — Так приятно, что мы с тобой вместе столько лет. По-моему, за это время я и ты пережили кучу событий и достаточно проверили свои чувства. Твой звонкий смех радует меня, глаза, в которые я влюбляюсь вновь и вновь, излучают добро, я не перестаю восхищаться тобою. Пусть все на свете знают, как я люблю тебя! — внезапно голос Майкла эхом раздался в округе, как только мы начали проезжать под мостом. Окружающие вмиг опустили головы вниз, а проезжающие мимо лодки и катера замедлили свой ход. — Ты — половинка моего сердца. Тебя мне

подарила судьба, и я так благодарен ей за это. В тебе я нашел все, что искал. Ты нужна мне. Я живу и дышу только для тебя, родная! И сейчас скажу то, о чем мечтал сказать долгое время, но не решался. Выходи за меня замуж, сделай мое сердце самым счастливым на свете, ведь моя любовь к тебе не знает границ.

Майкл достал уже знакомую мне коробочку, в которой находилось кольцо, предназначенное Эсми. Он аккуратно вытащил металлический обруч из мягкой подушечки коробки и протянул его к пальцу Эс, ожидая ее дальнейших действий. Девушка находилась в полном шоке: тело тряслось, плач был настолько громким, что всхлипы были слышны громче, чем слова Майкла несколько секунд назад.

— Так что ты скажешь? — друг начал показывать раньше невидимые признаки волнения.

— Господи... — шепотом произнесла Эсми, затем позволила одеть на свой пальчик кольцо. Очень долго эта пара просто смотрела друг другу в глаза. Эс медленно опустилась на колени, чтобы быть на одном уровне с Майклом, после чего дрожащими руками взяла его лицо и поцеловала. Уткнувшись лбами друг в друга, они что-то шептали друг другу, чего нельзя было разобрать. Зрители на мосту и в округе громко аплодировали и издавали громкие возгласы, поздравляя новоиспеченных молодоженов. Как же я счастлив за них.

Аннабель давно намочила слезами мое плечо, но я успокоил ее поцелуем.

— Какие они чудесные, — слегка всхлипывая, промямлила Анна.

— Это точно.

Когда все стало спокойнее и тише, мы начали праздновать. Выпивали, смеялись, шутили, но случилось непредвиденное. У меня вновь начался приступ. Боль капканом ухватила за мое тело и не желала отпускать. Я уронил бокал с вином на белоснежную поверхность яхты. Остатки недопившей жидкости и осколки от бокала образовали отвратительную массу у наших ног. Мои легкие стали медленно наполняться воздухом, тело покрываться потом, казалось, что мой организм категорически отвергает все условия жизни. Я потерял ориентацию в пространстве и не удержался на ногах.

Мои глаза закрыты, я парю, лежа спиной на воде. Находясь в реке, трудно дышать, но я умудрился вздохнуть полной грудью. Вода медленно начала затекать в уши, и я понял, что погружаюсь. Все симптомы словно испарились, видимо, из-за неожиданности падения. Вдруг я слышу мотор подъезжающего катера, а вскоре и само судно появилось в поле моего зрения. На катере я увидел того, кого никогда не ожидал встретить: мать Аннабель.

— Миссис Льюис? — кое-как выговорил я, выплевывая воду, которая успела наполнить мой рот.

Она зверски улыбнулась, после чего схватила меня за голову и начала топить. Я всячески пытаюсь сопротивляться и вырваться, но это бесполезно. От попадания воды в рот, уши и нос, я начинаю захлебываться и понимаю, что обречен. Мать Анны лишь издает дикие вопли, похожие на смех. Я теряю сознание, сил не остается.

Резко открываю глаза, оглядываюсь по сторонам. Дышу так, будто только что пробежал на полной скорости марафон. Я нахожусь в огромном помещении, вокруг меня сидят Майкл, Эсми, Аннабель и некто, похожий на врача. Внимание присутствующих направлено на меня.

— Ох, Норман! Ты очнулся! — Анна кинулась ко мне.

— Мы так испугались! — пропищала Эсми и схватила меня за руку.

— Никогда в жизни я не испытывал подобного, — глубоко вздохнув, произнес Майкл. — Как себя чувствуешь?

— Голова... Немного болит. Что случилось, почему мы все здесь? Что происходит?

— Вы ничего не помните? — поинтересовался врач.

— Последнее, что помню, как я и Анна поздравляем вас, — я указал на моих друзей.

— У тебя был приступ, — пояснила Эс.

— И что было дальше?

— Ты упал, — продолжила Аннабель.

— На яхте?

— Нет, приятель, ты упал в реку, — закончил Майкл.

В течение нескольких минут я тонул в бесконечном океане размышлений, для меня исчезли все посторонние звуки и движения. Как такое могло произойти?

В первые недели болезни тяжелее всего было привыкнуть к отношению и взглядам людей. С каждым днем я старался погасить в себе тот огонек смущения, разраставшийся в пожар стыда, но с каждым приступом мои усилия становились бесполезнее. За эти несколько месяцев мне показалось, что с борьбой покончено, и я начну жить в согласии с собой, что все образуется и склеится по маленьким кусочкам, но произошедшее вновь вернуло меня к самому началу. К горлу подкатывала кислота из-за накипавшей злости внутри.

Анна осторожно дотронулась до моей щеки, но я отстранился. Скрывая свою раздраженность, попросил всех выйти. Я лежал и смотрел в потолок, мысль сменялась другой, но иногда сознание отключалось на доли секунды.

Люди всегда будут видеть во мне в первую очередь паралитика, больного недееспособного человека, для которого потерял смысл в жизни, только потом взрослого парня, работающего когда-то и обладающего возможностью на здоровое и успешное будущее.

Накоlepsия беспощадно и крайне неожиданно нападает на мой организм. Если бы я только мог предвидеть ее симптомы, то большая часть проблем не навещала бы ни меня, ни моих близких.

Только сейчас понял: я испортил самый важный момент в жизни моих друзей. Какое же я ничтожество. На секунду прикрыл глаза, надеясь, что все произошедшее — сон, но открыть их больше не смог, так как провалился в глубокий сон.

Снова очнулся в том же помещении. Клиника в Сакраменто значительно отличалась от центра в Конкорде: стены мятного цвета, маленькие окна, закрытые плотной решеткой, одна кровать, которую в настоящий момент занимал я и несколько стульев рядом с ней. Больше смахивает на психиатрическую клинику. Может, там мне и место. В одиночестве ты вряд ли сможешь причинить кому-то столько боли, сколько я доставляю другим.

На одном из стульев сидел врач. Тот самый.

— И снова с пробуждением! — с улыбкой и широко распахнутыми глазами воскликнул доктор, затем протянул мне руку, которая в некоторых местах была покрыта морщинами. — Адам Буш — заведующий отделением.

Прищурившись, я присел и пожал ему руку.

— Просто для уточнения: Вы больны нарколепсией, верно?

— Именно.

— И Вы родом из Северной Каролины? — после долгой паузы задал вопрос собеседник.

— Верно.

— Вы проделали такой путь до Калифорнии, находясь заложником такой неизлечимой болезни, как паталогическая гиперсомния?

— Чего Вы от меня хотите? — терпение, словно атомная бомба, было установлено на счетчик, и время истекало.

— Я стараюсь понять Вас. Как с таким диагнозом Вы нашли в себе силы отправиться в столь длинное и тернистое путешествие?

— К счастью, я не один.

— Ах, да, друзья у Вас потрясающие. Стоят за дверь, интересуются вашим состоянием.

— Как долго был в отключке?

— После падения в Сакраменто три дня Вы находились без сознания, бригада спасателей едва успела вытащить нашего будущего пациента, а после того, как мы покинули палату, Вы спали уже два дня. Думаю, это последствия головной боли и шока, вызванного сообщением информации о том, что произошло. В Конкорде Вас оповещали о том, что возможны пробелы в памяти?

— Да.

— Тогда это не будет неожиданной новостью. Друзья уже готовы забрать Вас и отправиться домой.

Домой. Это слово будто током ударило меня по телу. Домой — значит снова в ту бездну проблем и круговорот неудач. Процедуры, анализы, сеансы и тесты, все это вновь настигнет меня и вскоре поглотит.

— Послушайте, Норман. То, что вы проделали такой дружной и крепкой компанией — настоящее чудо. Чтобы пойти на такой подвиг, нужно обладать огромным мужеством и невероятной силой воли. Я считаю таких людей, как ты особенными, которыми не перестаю восхищаться. Если бы со мной произошло нечто подобное, то я бы ни за что не сдвинулся с места, просто бы лежал и прогнивал, как последняя банка тушенки, поэтому ты должен понимать: есть люди, для которых вы не просто страдающие с истекшим сроком годности, а борцы за свое будущее. Главное — не терять веру в себя, тем более, когда рядом такие замечательные люди. Они надеются на тебя, потому что любят и верят в то, что ты продолжишь борьбу с болезнью, которая обязательно перерастет во что-то большее. Знаю, что этой битве за жизнь и счастливое будущее давно известен победитель, но ты должен сражаться до последнего вздоха.

Слова доктора Буша подействовали на меня с невероятной силой, будто я только что принял дозу успокоительного. Поблагодарив его за оказанную помощь и мотивирующее напутствие, я принялся собираться.

В коридоре меня ожидали друзья, в глаза которым было стыдно смотреть и Анна. У троих залегли темные круги под глазами, одежда помялась, но взгляды оставались такими же беспокойными и встревоженными. Покинув помещение палаты, я остановился у ее порога. Анна первая заметила меня и поднялась. Майкл и Эми вскоре последовали ее примеру. Девушки плакали, а мой друг потирал затылок, глубоко вздыхая.

Я кинулся к ним в объятия. Эмоции не могли больше глубоко таиться внутри меня, поэтому я дал им волю.

— Я так вас люблю, — прошептал я и почувствовал, как слеза медленно начала

скатываться вниз по щеке. — Спасибо за все.

"Пока не наступит завтра, ты не поймешь, как хорошо тебе было сегодня"

Леонард Луис Левинсон

Перелет в Северную Каролину прошел спокойно. К счастью, нам удалось попасть на прямой рейс из Сакраменто в Шарлотт. Еще в самолете я заметил надвигающуюся облачность, предвещавшую ливень, который и встретил нас в аэропорту. Вызвав очередное такси, счет которых потерял за две недели пребывания в путешествии, мы отправились в Конкорду. Капли дождя барабанили по стеклу машины, стекая извилистыми ручейками вниз.

Маму я уже успел оповестить о скором приезде, оправдываясь тем, что мы достаточно отдохнули. С трудом, но она поверила.

Аннабель сидела рядом и держала мою руку. Я прекрасно понимал, что она не хочет возвращаться домой.

— Если хочешь, можешь жить у меня, — вырвалось из моих уст.

— Нет, что ты, я не хочу тебя стеснять, — приподняв голову, ответила Анна.

— Я серьезно. Мне будет только спокойнее, если ты будешь поблизости.

— Правда? Спасибо, — произнесла Аннабель и поцеловала меня в щеку.

Капли дождя продолжали задавать ритм друг другу, а мы уже приближались к городу. И вновь меланхоличное и размеренное настроение Конкорды передалось мне. Все жители моей родины всегда кажутся какими-то несчастными, будто их заперли в клетке.

Невзирая на дождь и пасмурность, жара царствовала в городе, из-за чего я начал чувствовать капельки пота, образующиеся на спине. Неприятное ощущение липкости и дискомфорта.

Сначала такси доставило до дома молодую парочку, с которыми мы любезно попрощались, поблагодарив друг друга за путешествие и договорившись о скорой встрече, после этого нас с Аннабель.

Квартира осталась такой, какой я ее запомнил в день отъезда, разве что она сохранила чистоту, за что отдельное спасибо маме.

— Твоя мама скоро придет? — спросила Анна.

— Должна вот-вот подойти. Ты не сообщишь своим родным о приезде?

— Еще чего! Нет.

— Ну... Тогда располагайся, — улыбнулся я и привлек Аннабель к себе. Даже несмотря на измотанность и усталость, она оставалась необыкновенной. И эта девушка моя. Только моя.

Сняв платье, усыпанное мелкими цветами, я увидел слишком совершенное тело, слишком выразительные черты каждого изгиба, слишком идеальный цвет кожи — и все это на слишком идеальной девушке. Она была слишком красива для меня.

— Я никогда не смогу полностью налюбоваться тобой, — прошептал я ей в ухо, водя носом по ключице, ведущей к шее. Лишь слабые вздохи наслаждения исходили от Анны. Следующие полчаса мы провели в душе, полностью растворяясь друг в друге.

После прихода мамы всегда ощущается приятный осадок, который долгое время не растворяется, оставляя за собой приятное послевкусие. Вот и очередной ее визит оказался

подобным в описании. Мы разговаривали о поездке, я показывал дюжину фотографий, которые мы сделали в пути, Анна ярко рассказывала почти о каждой достопримечательности, которую нам довелось посетить, мама же в свою очередь охала и ахала, внимая ее занимательному рассказу. Сердце не могло нарадоваться. Две самые любимые женщины в моей жизни сидят рядом и беседуют, обмениваясь друг с другом нежными фразами, что может быть лучше и приятнее?

— Я, наверное, уже пойду, — сказала мама, когда мы успели выпить по две чашки чая каждый и вдоволь наговориться.

— Очень рада была Вас видеть, миссис Андерсон, — нежно произнесла Анна.

— И я, дорогая, — искренне улыбнувшись, ответила мама и легонько пожала Аннабель руку.

— Я провожу тебя, — сказал я и направился за ней.

Мы вышли в коридор.

— Сынок, Аннабель будет жить у тебя? — шепнула мама.

— Да, ты против?

— Нет, что ты, конечно же, я не против. У нее все хорошо в семье?

— Не так уже гладко, как хотелось бы.

— Очень жаль, — опустив глаза сказала мама. — Ладно, пойду домой. Не забудь про завтрашнее обследование.

— Пока, — сказал я и чмокнул ее на прощание.

Вернулся на кухню, застал Аннабель за раковиной, где она мыла чашки. Подошел сзади и заключил ее хрупкое тело в свои объятия.

— У тебя чудесная мать. — произнесла Анна. — В отличие от моей.

— Эй, — я повернул ее к себе лицом, затем взял за подбородок. — Она еще поймет, как ошибалась, — после этих слов я проложил дорожку из поцелуев от ее гладких щек до шеи.

— Тебе нужно принять лекарства, — заявила Аннабель.

Верно.

После напоминания Анны я употребил дозу необходимых препаратов.

— Так-то лучше, — улыбнулась девушка и подошла ближе для продолжения прелюдии, но меня одолел сон, с которым мой организм точно не в состоянии сразиться. Я почувствовал последние прикосновения Анны, которая помогла мне прилечь.

Городская рутина изо дня в день не меняла своего однообразия, а продолжала следовать заведенному шаблону, что уже давно превратилось в механическую привычку, которую жители соблюдали как по расписанию. Я, друзья и моя девушка старались хоть как-то развлечь себя: рестораны, клубы, прогулки и различные методы проведения досуга спасали нас от зыбучих песков Конкорда, которые засасывают тебя все глубже.

Однажды, как обычно проснувшись рядом с Анной, она мне кое-что сказала:

— Знаешь, как бы странно и глупо это не звучало, но я соскучилась по своей работе в ларьке.

— Правда?

— Да. Прошел месяц, думаю, стоит вернуться.

— А как же твоя учеба? — озабоченно спросил я.

— Учеба подождет. В крайнем случае, я смогу взять академический отпуск.

— Аннабель, так нельзя, ты должна закончить обучение.

— Я все успею, Норман, не волнуйся.

И как это понимать? Почему она решила отложить учебу на второй план и вернуться на эту несчастную работу? Я не в праве ей указывать, что делать, но поступать так неразумно — не самый лучший вариант. Что скажут ее родители? Как бы строго не относились к своей дочери, они хотят добра и успеха для нее.

К полудню Аннабель покинула квартиру, давно ставшую «нашей». Я наматывал круги по комнатам, не находя себе места от странного чувства, которое во мне поселилось. Это чувство напоминало ощущение надвигавшейся беды. Я кинулся к шкафу, надел первое, что попало под руку, захватил модафинил и выскочил на улицу. Пошел к месту работы Аннабель.

Минувя улицы города, я вспоминал об Остине и Сакраменто, об их невероятной атмосфере, которая заряжала настроением и позитивом. В Конкорде дома выглядят серыми и унылыми, но все же нельзя отрицать, что они имеют свои приятные черты, к которым я так привык.

Я свернул на иную улицу, которая ведет дорогу к ларьку с другой стороны. Приблизившись, я остановился. Не мог поверить своим глазам. У магазинчика стоял убудок Крис, с которым о чем-то беседовала Аннабель, высунув голову в окошко. Какого дьявола? Спрятавшись за угол одного из многочисленных домов, начал наблюдать за ними. К сожалению, речь ни одного, ни другого я не смог расслышать. Через несколько минут Крис ушел, оставляя Анне какой-то листочек. Встряхнув головой, надеялся, что освобожусь от ненужных мыслей, но ошибся.

Я находился в смятении. Не помню, когда вернулся домой. Не знал, что делать дальше: поговорить с Анной о том, что я увидел и выяснить непонятный мне поступок или оставить все, как есть? С утра и практически до вечера даже симптомы нарколепсии меня не тревожили, я настолько был взволнован, что и позабыл о своей болезни.

Иногда лучше некоторые слова не слышать, а некоторые вещи не знать... То, что я сегодня увидел не повергло меня в шок. Нет. Скорее, я потерялся. Погрузился в вакуум, который прочно укоренился у меня в сознании.

За последние два часа я выкурил целую пачку сигарет, выпил четыре кружки крепкого кофе, несколько раз погружался в кратковременный сон, которым распорядилась моя паталогия. Аннабель все не возвращалась.

Наконец она соизволила прийти. Я услышал, как Анна повернула ключи в замочной скважине. Пока она открывала дверь, я успел захватить первую попавшуюся книгу и лениво устроиться на диване.

— Привет! — воскликнула она и прошла ко мне, чтобы поцеловать.

— Привет, не услышал, как ты пришла, — соврал я, но мне показалось, это плохо получилось. — Как дела?

— Отлично! — я помог ей снять блузку. — Куча народу за день.

— Никого из знакомых? Родители не звонили? — она стащила с меня футболку.

— Нет, почему ты спрашиваешь?

— Да так...

— Да?

Мы оба остались в нижнем белье.

— Да.

Аннабель потянулась к моим трусам, но, вспомнив о сегодняшнем, я отстранился.

— Что с тобой?

— Я... Мне нужно принять лекарства, — вновь соврал я.

— Ты точно в порядке?

— Да, нормально.

— Ладно... — Анна почесала затылок от незнания, что делать дальше. — Тогда я пойду в душ, ты не против?

— Конечно. Я после тебя.

На пути в ванную комнату она обернулась с удивленной физиономией.

— Не составишь мне компанию?

— Ээ... Не сегодня, — чмокнув Анну, я быстро отправился на кухню.

Когда услышал, как Аннабель хлопнула дверь в душевую, достал пакетик амфетамина. Долгое время разглядывал его в своих руках. Давно им не довольствовался. Чтобы успокоить нервы, принял вещество, затем спрятал оставшееся обратно.

Да что это со мной? Может быть, эти двое просто разговаривали об учебе, ведь они учатся в одном институте. Или их связывает нечто другое?

Воспользовавшись моментом, я кинулся к сумочке Анны. Аккуратно изучил содержимое — ничего подозрительного. Вернул ее на место, как вдруг из внутреннего кармана выпал клочок белой бумаги. Поднял его. Развернул. На клочке черными чернилами были написаны номер, время и место. Чего? Встречи?

Услышал, как вода в ванной прекратила бежать. Засунув бумажку в сумку, лег на кровать, притворившись спящим. В итоге сам поверил в то, что делаю и действительно провалился в глубокое проклятье сна.

Утром Аннабель уже не было в постели. Я услышал звук оповещения на телефоне. Сообщение от Анны: «Вечером не жди. Я задержусь на работе. Люблю тебя».

В течение нескольких минут не мог прийти в себя, просто смотрел на телефон. Она соврала мне. Действительно соврала, никак иначе.

Крис назначил ей встречу. Сегодня, в семь часов вечера, в каком-то дешевом ресторане на соседней улице. Я запомнил каждую деталь клочка той гребаной бумаги.

«Я хотел поужинать с тобой сегодня в семь часов», — набрал я и нажал кнопку «Отправить». В семь часов? Идиот. Анна точно что-нибудь заподозрит. Веду себя, как ревнивая скотина.

Я получил от Аннабель сообщение с извинениями и предложением поужинать завтра.

Прочтя текст, я швырнул телефон о стену. Выпил кружку кофе, покурил.

Когда человеку тяжело, или он нуждается в совете, в большинстве случаев ему приходится просить помощи у близких. Друзья это или родители — неважно. Главное, что тебя выслушают и поймут. Благо, такие люди присутствуют в моей жизни.

— Алло, — услышал я сонный голос Майкла на другом конце провода. — Норман, что-то стряслось?

— Да, прости, что в такую рань. Ты сегодня свободен? Вечером.

— Можем встретиться, если хочешь, — он зевнул.

— Хочу, мне нужен твой совет. — я назвал другу место и время встречи, которые были указаны на бумажке Криса.

— Что за убогое место?

— Потом объясню. До встречи.

— И именно в это место он пригласил твою девушку? — спросил Майкл, делая глубокую затяжку.

Я кивнул. Заведение действительно не из солидных: двухэтажное здание непонятного кирпичного цвета, которое вобрало в себя странные элементы интерьера, что казалось жутко нелепым и даже, я бы сказал, отвратительным. Грубая музыка исходила из этого места, куча байкеров с их массивными мотоциклами заполняли почти все пространство стоянки.

Майкл и я стояли неподалеку и пребывали в ожидании Анны и Криса. Наконец, они показались у входа в так называемый ресторан. Даже рестораном страшно назвать эту забегаловку.

Они выбрали темное укромное местечко недалеко от барной стойки. Мы с другом удачно расположились за кучкой мясистых мужиков, которые орали, как дикари и без остановки хлебали алкоголь.

— И чего ты этим добьешься? — спросил Майкл.

— Хочу понаблюдать.

— Мне тоже кажется, что здесь что-то не так. Это Крис явно не внушает доверия. Ни внешним видом, ни манерой поведения. Ты только посмотри, куда он завел твое милое и хрупкое создание.

Майкл прав. Я и привел нас сюда, потому что чую неладное.

Аннабель скромно сидела на приличном расстоянии от Криса, который пытался оказаться как можно ближе к ней. Руки так и чесались. Я был готов вскочить и набить морду этой обезьяне, которая пускает слюни на мое. Только мое.

Внезапно я отключился.

— Норман! — Майкл встряхнул меня, и я проснулся.

— Сколько?

— Несколько минут.

Аннабель и Крис продолжали сидеть в тех же позах. Парень что-то шептал ей в ухо, от чего девушка неприятно морщилась.

— Эсми без проблем тебя отпустила? — поинтересовался я, чтобы отвлечься.

— Конечно. Она и ее мама отправились на поиски свадебного платья, поэтому все сложилось более, чем удачно.

— Тогда ладно.

— Смотри! Эта мразь распускает руки, — чуть ли не прорычал Майкл.

Крис потянулся своей шаловливой ручонкой к ноге Аннабель, которая ударила его по руке и встала. Я пришел в бешенство, сорвался с места.

— Норман? — пришла в смятение Анна.

— Не ожидал, убудок? — я смазал его хитрую гримасу ударом в челюсть.

Не успел Крис опомниться, как я схватил его за шкуру и, как псину, швырнул на пол. Голова парня встретилась с полом, но он быстро сориентировался и нанес мне удар ногой по ребрам. С этой секунды началась силовая часть противостояния. Анна что-то кричала, находившиеся в помещении байкеры и другие отшельники преступного района города наблюдали и делали ставки, Майкл пытался остановить сначала меня, потом маленького засранца, затем снова меня. Удары летели со всех сторон, с сухим треском сталкивались кулаки, казалось, что мы вскоре можем сломать пальцы. Мои боевые действия становились

сокрушительнее, Крис так же наносил увесистые удары в мою сторону. Наши лица превратились в кровавое месиво. Последний и заключительный удар потерпел я, но не собирался сдаваться, в отличие от соперника. Воспользовавшись моим падением, он убежал, как последний трус. Я лежал и смеялся. Впервые что-то почувствовал на себе после трех лет мирного существования. Ощущал боль. Приятную боль победы.

— О боже! Норман! Кто просил тебя приходить? Я бы справилась с ним! — пропищала Аннабель и кинулась ко мне. Достала платок из кармана и начала вытирать им мое лицо.

— А какого черта ты соврала мне?!

— Ты что, следил за мной?

— Нет!

— Не ври мне!

— Да, я следил за тобой! Потому что ты мне не безразлична, потому я люблю тебя! Я должен сидеть в стороне, когда моя девушка отправляется с каким-то хмырем на свидание?

Она закатила глаза, продолжая чистить мое лицо. Я отвел ее руку в сторону, резко встал и направился к выходу. Мой друг и Анна побежали за мной.

Майкл проводил нас до улицы, на которой располагалась моя квартира.

— Дойдете?

— Да, спасибо тебе, — сказала Аннабель и положила кисть на его плечо.

Я пожал Майклу руку, и тот отправился домой. Оставив Анну стоять в одиночестве, направился к дому.

— Он шантажировал меня, — призналась она.

— Чем? — не оборачиваясь, спросил я.

— Обещал, что расскажет родителям о моем возвращении, если я не пойду с ним.

Я развернулся. Аннабель стояла с поникшей головой.

— Почему ты не рассказала мне?

— Хотела сама во всем разобраться.

— Глупая, — прошептал я и взял ее продрогшие от холода и волнения руки в свои.

Поцеловал их.

Девушка прикоснулась к моему лицу.

— Больно... — процедил я.

— Прости, — пролепетала Анна. — Прости. Пойдем домой, я обработаю.

— Это подождет, — произнес я и заключил Аннабель в объятия. Она тяжело дышала мне в грудь.

Темнота глухой ночи окутала нас, сверчки начали свою ночную песню, звезды открыли свой пост на бесконечном пространстве неба, а мы продолжали стоять на месте. Я готов жизнь отдать за такие моменты с Анной, ведь именно они греют и успокаивают мою душу.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. СМИРЕНИЕ. ГЛАВА I

"Жизнь коротка. Нет времени оставлять важные слова несказанными..."

Пауло Коэльо

Прошло несколько месяцев. Осень в этом году настигла Конкорд раньше положенного. Уже в августе температура начала скакать вниз. Жаркие летние месяцы, сопровождающиеся ярким палящим солнцем и бушующими грозами, сменились слякотными, насыщенными цветами, промежуточным между летом и зимой временем года.

Ноябрь уже приближался к своему завершению, на смену ему готовился суровый декабрь.

Именно в ноябре мы с Анной праздновали годовщину наших отношений. Полгода. Счастливых и незабываемых полгода. В честь этого события я устроил романтический ужин на крыше моего дома. Пришлось изрядно потрудиться, чтобы это организовать, но все вышло, как нельзя лучше.

Обследования никто не отменял, они продолжались, но одно изменилось точно: я привык к ним, посещал исследовательский центр на автомате. За полгода особых скачков нарколепсия не совершила, однако приступы не прекращались, но и к ним организм смог адаптироваться. Я смирился. Смирился с болезнью. Смирился с лояльным отношением окружающих ко мне. Смирился с тем, что навсегда останусь таким. Мы одинолично в ответе за свою жизнь и сами решаем, как именно ею распоряжаться. Я начал понимать, что имею один шанс на существование, и неважно, какой ты, неважно, с какими возможностями, нужно прожить свой кусочек бытия так, чтобы в его завершение ни о чем не жалеть и вспоминать те моменты, ради которых ты не сдался, ради которых ты боролся до самого конца. Эти моменты мне подарила моя семья. Мама, Майкл, Эми, и, конечно, Аннабель. Каждый из них поделился собой для того, чтобы поставить меня ноги, не дать упасть, не дать провалиться в пропасть, которая засасывала меня с каждым годом сильнее. Самое родное, важное и крепкое, что есть у человека, — это семья. Существует много интерпретаций этого слова: социальный институт, одна из основополагающих ячеек общества и прочее, но для меня семья — это основа основ, это мой дом, стены которого меня долгое время воспитывали и защищали.

Говорят, что, когда человек чего-то или кого-то лишается, тогда на смену этой потере приходят новые люди, вещи и события. Я смог в этом убедиться. После смерти отца, которая нанесла сильнейший удар по моим мировоззрению и душевному состоянию, я начал обретать нечто новое. В самом начале этим новым оказалась неизлечимая болезнь, которая с жадностью поглотила меня с ног до головы, но с развитием нарколепсии в окружении стали появляться новые люди, среди которых особое место заняла Анна. Если подумать, то именно патология подтолкнула меня на это знакомство.

Многие вещи мы не ценим в нашей жизни, а когда это происходит, становится слишком поздно. Так вот, я не опоздал, а смирился со всем раньше, не потерпев ни одной потери. За это время моя жизнь стала ярче и красочнее, чем за все 24 года существования. Я посетил два новых штата, столицы которых изучил вдоль и поперек. Совершил это с настоящими друзьями и незаменимой девушкой, которые подарили мне такую возможность. Необходимо ценить каждую прожитую минуту, ведь любая из них может стать последней. Время — неопознанная субстанция, которой человек должен следовать по назначению и дорожить.

Именно это я и начал делать: наслаждаться предназначенным мне судьбою временем...
Наслаждаться жизнью.

Подготовка к свадьбе, которую Майкл и Эсми планируют провести в январе, шла полным ходом. Молодожены уже успели сотню раз переругаться из-за места проведения торжества, но, все же, после долгих споров сошлись на варианте ресторана. Они выбрали самый крупный ресторанный комплекс в городе, дизайном которого руководила невеста. Аннабель также принимала немалое участие в организации свадьбы. Наверное, несколько дней подряд она помогала Эс выбрать свадебное платье. Майкл тоже таскал меня за собой повсюду в поисках костюма и колец.

Полмесяца мы убили на подготовку самого громкого и яркого торжества, которое Конкорд не видел никогда. Я давно выбрал для себя костюм, но не Анна.

— Норман, еще один! — воскликнула девушка, указывая пальцем на очередной свадебный магазин.

— Ты уже тысячу платьев поперемерила, детка, — глубоко вздохнул я и поплелся за ней.

Аннабель, не дослушав меня до конца, вошла в помещение магазина, который внутри ослепил меня своим белоснежным оттенком, исходившим от одежды. Девушка бегала из угла в угол, разглядывая деталь каждого платья. Наконец, ее выбор пал на алое. Она показала его мне. Платье действительно выглядело потрясающим, и не было похоже ни на одно, что Анна мерила до этого. Я кивнул, одобряя выбор. Аннабель побежала в примерочную. Я сел в кресло напротив.

— Почти надела! — услышал я и усмехнулся. — Норман, оно идеальное!

Анна покинула пределы комнаты для примерки.

— Ох, — вздохнул я и остался сидеть с открытым ртом.

— Как тебе?

Как мне? Это лучше платье, что приходилось видеть, и оно безупречно сидит на лучшей девушке в моей жизни. Ярко-красное, в пол, на тонких бретельках, без единого узора, приталенное. Оно было создано будто специально для Анны. Грудь стала пышнее, талия уже, руки тоньше, казалось, что эту девушку нельзя сделать еще совершенней, но я серьезно заблуждался.

— Кажется, у меня нет слов, — очень тихо восхитился я.

Аннабель широко распахнула глаза, после чего рассмеялась и прыгнула ко мне на колени. Мягкие губы девушки миготом отыскивали мои.

— Оно чудесно будет сочетаться с твоим новым костюмом. — сказала Анна.

Я вместе с Аннабель встал с кресла. Понес ее в примерочную, плотно закрыл дверь. Прислонил девушку к ней, мои руки нашли опору над ее головой. Неожиданно для обоих наши губы встретились в бешеном исступлении, мои пальцы дотронулись до ее сказочных волос и погрузились в них. На некоторое мгновение мы оторвались, чтобы взглянуть друг другу в глаза. Улыбка Анны с каждой секундой становилась шире. Ее грудь тяжело поднималась и опускалась. Наготу девушки от меня отделяла лишь какая-то материя платья, которую я с легкостью могу сорвать, но не здесь. Аккуратно опустив одну лямку платья, я поцеловал гладкое плечо Аннабель, затем то же самое проделал с другой стороной. Вдруг я замер.

— Девушка, Вам помочь с выбором? — послышался голос за дверью.

— Нет, спасибо! — уверенно ответила Анна. — Я уже сделала выбор.

Стерев улыбку с моего лица поцелуем, девушка начала быстро снимать с себя новую будущую покупку и одеваться в свою одежду.

Я заплатил за платье и ждал Анну снаружи. Достал сигаретку, добавил огня. Сделал глубокую затяжку, никотин просочился в мой организм. Густой сизый дым поднимается вверх, унося вместе с собой все мои мысли, которые в последнее время затуманивают разум не хуже сигарет. В нескольких метрах от магазина я услышал визг машины. Черный пикап Chevrolet Silverado. На бешеной скорости он вылетел из-за поворота, но около меня замедлил свой ход. Темное тонированное стекло медленно опустилось, и я увидел лицо Криса.

Эта мразь когда-нибудь успокоится? Смазливая уродская улыбка появилась на убогой физиономии моего оппонента. И что он забыл в этом мирном районе? Включив громкий рэп, он с небывалым пафосом отвернулся и закрыл стекло. К чему эта показуха? Я продолжал наблюдать за железным монстром, который постепенно скрывался за горизонтом, оставляя за собой огромные серые клубки дыма.

Почувствовал неприятный привкус фильтра сигареты. Выбросил. Растоптал, представляя, что давлю жирного жука, хотя перед лицом мелькало лицо Криса.

Аннабель присоединилась ко мне.

— Пойдем? — спросила она.

— Да, идем, — ответил я, но сам упорно продолжал размазывать бычок.

— Норман, что такое?

Я махнул рукой на землю, взял Анну за руку и повел домой.

Моя девушка после летнего случая с Крисом начала подготовку к новому учебному году, так как ей оставался последний рывок, и она сможет устраиваться на должность в приличные учебные заведения.

— Ты действительно планируешь стать учителем начальных классов? — рассмеявшись, спросил я, когда Аннабель собиралась в институт.

— Перестань! — крикнула девушка и кинула в меня подушкой, но не удержалась и упала ко мне на кровать. — Я люблю детей и хотела бы преподавать. Ты не любишь детей?

— Я не люблю? — воскликнул я. — Обожаю. Я бы хотел двоих.

— Двоих? Мне кажется, ты будешь хорошим отцом.

— Я буду полностью соответствовать их матери.

— А кто будет их матерью?

— Чудесная девушка с глазами цвета шоколада, волнистыми темно-русыми волосами и звонким смехом, которая лежит сейчас у меня под боком. И задает глупые вопросы, — я чмокнул Анну в макушку.

Она рассмеялась.

— Всё! Мне пора, — перед тем, как встать Аннабель оставила на моих губах обжигающий поцелуй, который мы с трудом смогли прервать.

Сегодня у меня свободный день: никаких процедур, ненавистных врачей и прочего дерьма. Анна почти на целый день убежала в институт, поэтому я полдня оставался в одиночестве, но после звонка мамы ситуация резко изменилась.

— Норман, дорогой, мы сможем сегодня встретиться?

— Да, где?

— Это сюрприз.

Мама назначила место и время встречи, на которые я без опоздания прибыл.

— В чем дело? — спросил я.

— Идем, — с широкой улыбкой ответила мама и взяла меня под руку.

На улице господствовала зима. Это время года всегда отличалось в штате мягкостью и спокойствием. Снега либо вообще нет, либо он минимальным слоем ложится на землю, создавая слабую видимость белого фона. Несмотря на отсутствие снежной погоды, выюг и метелей, погода давала о себе знать, понижаясь в температуре. Ветки некоторых деревьев плотно покрыты инеем, который слегка поблескивает под лучами солнца, которое изо всех сил старается ослепительно ярко светить.

Мама и я продолжали идти, любуясь волшебной красотой зимней сказки. Неожиданно для меня мы подошли к месту, которое я никогда не ожидал увидеть прежде. Придорожное кафе. То самое, в котором мы с семьей когда-то отдыхали и выпивали коктейли. То самое, в котором я, будучи ребенком, проводил самое лучшее время в жизни.

— Мам, ты серьезно? — воскликнул я и начал смеяться.

— Подумала, что было бы неплохо заглянуть сюда и пропустить по стаканчикам любимого ванильного коктейля, которые ты так любил.

Улыбка на моем лице становилась все шире, я чувствовал это. Вновь ощущение детской наивности поселилось у меня внутри. Я кинулся к маме и обхватил ее руками.

— Тише, Норман! Задушишь, — рассмеявшись, кричала мама.

Следующий час мы выпивали напитки и разговаривали. Обо всем. Никогда прежде я не чувствовал себя таким свободным и честным в общении с собственной матерью.

— Знаешь, его здесь очень не хватает, — поникшим голосом произнесла мама.

— Да...

— Дорогой, я должна тебе кое-что рассказать.

— Я тебя слушаю.

— Помнишь, я говорила тебе о том, что твой отец погиб при строительстве нового проекта, который его компания очень долго разрабатывала?

— Помню, конечно. Мам, не тяни.

— Я не совсем правильно тогда выразилась.

— И как я должен это понимать? — мой тон стал на несколько фаз выше, но я держал себя в руках.

— Понимаешь... Гарри был болен.

Я тяжело сглотнул. Мама достала платок из внутреннего кармана пальто и приложила его к лицу.

— Если ты не знал, то твоя болезнь... Основную роль в развитии нарколепсии играет наследственная предрасположенность.

— Я... Я знал это, мам, — еле-еле проговорил я. — Но ты же сама говорила, что на стройке произошел несчастный случай. Я не могу поверить в то, что папа был болен той же патологией. Это невозможно! Я не замечал за ним никаких сбоев во снах и днем. Он был абсолютно здоров.

— Мы не хотели пугать и травмировать твое подростковое состояние, сынок, — мама продолжала вытирать слезы.

— Так, значит... Он умер из-за нарколепсии?

— Я не знаю, Норман, — со всхлипом простонала мама. — Я не знаю, слышишь?! Просто... Здесь, в этом месте, за этим столиком воспоминания обвились вокруг моей шеи, я обязана была рассказать. Может быть, он погиб из-за несчастного случая, может быть, из-за болезни, я ничего не знаю.

— Но... Что говорили врачи?

— Несчастный случай.

Я откинулся на спинку диванчика. Потер руками лоб. Встал.

— Куда ты? — спросила мама.

— Прости, но мне нужно все переварить и побыть одному, — я оделся, встал, но напоследок развернулся и произнес: — Спасибо, что не скрыла.

Слабая улыбка появилась на морщинистом лице моей матери, которая вскоре скрылась за ее расстроенной гримасой. Я покинул помещение кафе, которое до сегодняшнего дня ассоциировалось с приятными ностальгическими временами.

Один вопрос мучил меня, пока медленно вышагивал по извилистой дорожке, ведущей, сам не знаю, куда: как мог не заметить проблем в здоровье отца? Он был активнее любого человека, кого я знал. Скрывал? Но как? Я никогда не мог подавить в себе фонтаны нарколепсии, которые с невероятной силой выплескивают свои брызги каждый день по несколько раз.

Не заметил, как подошел к самому мрачному месту в Конкорде: городское кладбище. Громкие крики ворон, туман, множество надгробий и памятников заставляют передумать и свернуть обратно. К счастью, я не из брезгливых. Отыскав могилу отца, присел на скамейку.

— Только ледяное надгробие и светлые воспоминания ты оставил нам, — почти шепотом проговорил я.

Достаточно долгое время я провел здесь, поглощенный мрачной атмосферой кладбища и яркими событиями прошлого. Каждый сезон прихожу к могиле отца, но почему-то сейчас почувствовал, что это настоящее прощание.

Каким бы страшным не казалось далекое прошлое, мы не должны отталкивать его, потому что именно оно дает нам пинок под зад и подзарядку, с которыми мы продолжаем двигаться дальше.

Уже поздно возвращаться назад, чтобы все правильно начать, но еще не поздно устремиться вперед, чтобы правильно закончить.

Ошо

Следующая неделя протекала очень медленно и нудно. Все мысли были направлены на урегулирование эмоций, которые боролись внутри меня с невероятной силой.

С одной стороны, я чувствовал, что злюсь на маму, потому что она не рассказала об отце раньше, также я злюсь на папу, потому что он не считал нужным поделиться со мной такой важной информацией, как поражение его организма нарколепсией. Но иногда эти чувства злости и обиды заглушали другие ощущения. Тут вступает в ход другая сторона, которая заставляет меня быть сдержаннее и относиться с пониманием к родителям.

Былого не воротишь, поэтому то, что произошло тогда, пускай останется прошедшим. Иногда, когда невольно вспоминаю о минувшем, я стараюсь думать о происходящем в настоящий период моей жизни. Если честно, это помогает отвлечься от дурных мыслей, которые прочно укореняются в сознании или от возникающего беспричинного беспокойства.

Еще полгода назад эти негативные эмоции и переживания заседали в моей голове сутками, и, какие бы усилия не прилагал для того, чтобы избавиться от них, попытки оказывались тщетными. На сегодняшний день знаю этому причину: я заглушал свою боль с помощью сигарет, ненужных и вредных аппаратов, затяжных депрессий и меланхолии. Каждый из этих спутников отвратительных самочувствия и настроения только мешал мне, настраивал на негативное ощущение восприятия мира, манипулировал моим сознанием.

Спустя некоторое время я нашел спасение в людях и общении. Проблема социально-психологической адаптации больных людей к условиям жизни в обществе является одной из важнейших граней, которую я с трудом, но сумел преодолеть. Главное — найти точку соприкосновения гармонии души и тела, тогда часть проблем уйдет на второй план, и мысли будут наполнены настоящим, полным реалистичностью и массой запоминающихся моментов. Именно это дарит человеку возможность полноценного общения с такими же людьми, которые в ладу с собой.

Близился торжественный день — свадьба моих дорогих друзей — Майкла и Эсми. Оба жутко волнуются и стараются сделать и организовать все наилучшим образом. Мы с Анной проводим с ними огромное количество времени, которое тратим на подготовку к церемонии, рассылку приглашений, болтовню и различного рода развлечения. Наша маленькая компания стала очень крепкой и по-настоящему дружной, что не может не греть душу. Мы стали настоящей семьей, которая поддерживает и ценит каждого из ее членов.

Аннабель крепко спала, а я уже несколько минут смотрел на нее, изучая каждую деталь этой безупречной девушки. Рукой убрал прядь с ее щеки, открывая более широкий обзор для моих глаз. Внезапно она зашевелила своими длинными ресницами, тяжело вздохнула и поменяла позу. С усмешкой я плотнее укутал ее в одеяло, а сам направился в душ.

Прохладная вода, струями стекавшая на тело, придала мне свежести и бодрости. После водных процедур я принял модафинил, а затем принялся готовить завтрак, который должен

состоять из кофе и панкейков с медом.

Анна продолжала пребывать в сонном царстве, поэтому я старался делать все как можно тише.

Через полчаса порции были готовы. Добавив дольки фруктов к оладьям и кофе, затем, уместив все это на подносе, я направился в спальню.

— Доброе утро, соня! — воскликнул я, отчего Анна вскочила, как ошпаренная.

— Господи, Норман... — процедила Аннабель и начала протирать глаза.

— Я принес тебе завтрак.

— Это очень мило с твоей стороны, — уже сладко проговорила девушка.

Я аккуратно разместил поднос с едой на кровати, присел рядом. Анна взяла кусочек яблока и откусила, я сделал глоток уже остывшего напитка.

— Чем планируем заняться сегодня? — спросила девушка, после чего откусила панкейк. — Как вкусно! Кто тебя научил так чудесно готовить?

— Как ты думаешь? — рассмеявшись, спросил я, затем последовал ответ на вопрос Аннабель. — Я думаю, что тебе пора встретиться с родителями.

Анна поперхнулась кофе.

— Ты в порядке? — спросил я взволнованным голосом.

Она сделала жест рукой вверх, давая понять, что ей нужно откашляться.

— Зачем же так реагировать? — снова задал вопрос.

— Ты хочешь, чтобы я ушла?

— Нет, что ты! Ни в коем случае. Просто... Столько времени прошло, а ты не сделала и звонка. И мне кажется очень странным, что они ведут себя аналогично их дочери. Это твоя семья, Анна.

— Норман, ты — моя семья. Те люди, которые меня растили и давали все необходимое для существования, больше мне никто. После того, как они поступили...

Я глубоко вздохнул и сделал глоток кофе.

— Послушай, та рана, которую они нанесли своим поведением по твоему душевному состоянию, должна была давно зарастить, ведь все в нашей жизни проходящее. Ты такая взрослая, поэтому должна понимать, что основной смысл жизни заключается в семье. Несмотря на ваши разногласия, они любят тебя, а ты, безусловно, любишь их. Просто пытаешься заглушить свою боль, проводя время со мной и остальными, — после долгой паузы я продолжил: — Детка, я очень люблю тебя и хочу, чтобы ты была счастлива, но для этого твои близкие тоже должны быть счастливы. Родители наверняка не пребывают в восторге от незнания твоего местоположения и состояния. Хотя бы позвони им, а лучше — отправься домой на несколько часов.

Аннабель, наверное, дырку просверлила во мне, пока я направлял ее на путь истинный. Вскоре она отвела взгляд в сторону, отложила панкейк на тарелку и о чем-то задумалась. Я не смел ей мешать, лишь отнес остатки нашего завтрака обратно на кухню. По прибытии обратно застал девушку в том же положении.

— Знаешь, — начала она. — Может ты и прав.

Я застыл на месте.

— Возможно, я перегнула палку, согласна. Схожу к ним. Сегодня.

Уголки моего рта постепенно начали образовывать широкую улыбку.

— Вот и умница. Пойми, я желаю тебе только добра, — я подошел ближе к кровати, снова присел. — Думаю, у вас все будет хорошо.

Аннабель прижалась ко мне, я почувствовал все тепло ее полюбленного тела, которое прикрывали только коротенькие шорты и тоненькая майка.

— Пойдем в душ? — прошептала она.

— Я недавно оттуда.

— Ну и что, пойдем со мной, — повторно произнесла Анна и повела меня за собой.

Наконец наступил долгожданный свадебный день. Казалось, что весь город сошел с ума. Невеста проводила время в кругу визажистов, парикмахеров и людей подобного рода профессий, Аннабель составляла ей компанию. Аналогичная ситуация проходила со мной и Майклом.

В каждой свадьбе есть своя изюминка. В торжестве моих друзей этой изюминкой является время года, в которое они решили пожениться. С приходом зимы открывается новый свадебный сезон, ни на какой не похожий, по-особенному сказочный.

Я успел осмотреться в ресторане, который за месяц подготавливался к торжеству. Молодожены выбрали очень популярный стиль для свадеб — рустик. Он очень близок к уютной зимней тематике и достаточно прост в своем исполнении, поэтому я понимаю, почему их выбор пал именно на него. В оформлении праздничного пространства преобладают бежевый, белый, кремовый тона, а также цвет древесины, без которого рустик не сможет обойтись. Множество огней, фонарей и лампочек напичканы в каждом углу помещения ресторана, так что с наступлением темноты эти своеобразные светлячки будут придавать еще большую сказочность атмосфере.

Эсми разослала достаточно внушительное количество приглашений друзьям, родственникам и знакомым. Майкл не возражал, иначе бы их разногласия вылились в скандал. Не могу сказать, что гостей будет много, но помещение ресторана будет забито, это уж точно.

Друг и я были готовы к выезду за невестой, которая вместе с ее подружками близилась к завершению подготовки. Мы сидели в креслах друг напротив друга.

— Ну, готов вступить на платформу замужества? — усмехнулся я.

Майкл закатил глаза, затем тяжело вздохнул. Он был одет в костюм темно-шоколадного цвета, который хорошо сочетался с цветом его кожи, а я в одежду более светлых тонов, дабы соответствовать жениху с невестой и обстановке свадьбы. Чтобы купить мой костюм, пришлось потратить кучу нервов и времени, потому что Аннабель, как и Эсми, да впрочем, как и все девушки мира, очень тщательно ищет подход к нарядам.

Зазвонил телефон. Майкл взял трубку.

— Понял, — сказал он, затем обратился ко мне: — Лимузин уже внизу.

Я кивнул, и мы, взяв все необходимое, спустились к машине.

Подъезжая к мэрии, уже успел разглядеть большое количество людей, поджидавших у входа. Я не поклонник огромных скоплений людей, поэтому почувствовал себя не в своей тарелке, но вскоре это ощущение отчужденности начало пропадать. Белоснежный лимузин припарковался на небольшой стоянке. Первый вышел Майкл, которого встречали бурными аплодисментами и криками с поздравлениями. Еще ничего не произошло, зачем орать? Закатив глаза, но с улыбкой, также вышел из машины. Плотное пальто придавало ощущение неудобства, из-за чего я выглядел, как мне показалось, нелепо. Через несколько секунд я, жених и все остальные пребывали в ожидании главной женщины этого торжества.

Наконец в нескольких метрах от толпы, показался еще один белый лимузин, но гораздо внушительных размеров. Куча людей, значительную часть которых я даже и не знал, начали встречать машину громкими овациями.

Майкл подбежал к лимузину. Открыл дверь. Подал руку невесте. Эс выглядела потрясающе: нежно-кремовое платье, мне показалось, что оно весит несколько килограмм, накинутая сверху шубка, девушка была похожа на настоящую принцессу. Мой друг некоторое время просто любовался будущей женой, затем с широкой улыбкой вручил ей охапку пышных белых роз, украшенных различными ленточками, бусинками и мелкими цветочками.

Такие счастливые, беззаботные, прекрасные... Они были подобны настоящим ангелам, которые дарят друг другу и окружающим свое тепло. Теперь Майкл и Эс станут еще ближе и роднее, и я так рад, что являюсь частью их маленького мира и могу наблюдать за тем, как эти удивительные люди вступают в новый этап взрослой жизни и на новую ступень формирования самых крепких, уже семейных отношений.

Следом за Эсми вышла Аннабель и остальные подружки невесты. Безусловно, среди малознакомых мне девиц, Анна выглядела ярче, нежнее и красивее. С небольшим букетом цветов она грациозно подошла ко мне и поцеловала.

— Ты, как всегда, чудесна, милая, — прошептал я ей в ухо.

— Ты тоже, — улыбнулась она мне в рот.

Приближался самый важный момент этого дня. Регистрация брака. Майкл и Эс вошли в здание мэрии, а остальная толпа последовала за ними.

— Добрый день, уважаемые новобрачные и гости! — громко и с улыбкой начала женщина средних лет — специалист по регистрированию браков, после того, как гости замолчали, а музыка прекратила свое звучание. — Сегодня, двадцать пятого января две тысячи шестнадцатого года, в отделе мэрии города Конкорд, в брак вступают Майкл Джозеф Уильямс и Эсми Сюзанн Браун.

В зале повисла гробовая тишина.

— Уважаемые невеста и жених! Сегодня — самое прекрасное и незабываемое событие в вашей жизни. Создание семьи — это начало доброго союза двух любящих сердец. С этого дня вы пойдёте по жизни рука об руку, вместе переживая и радость счастливых дней, и огорчения. Создавая семью, вы добровольно приняли на себя великий долг друг перед другом и перед будущим ваших детей. До начала регистрации прошу вас ещё раз подтвердить, является ли ваше решение стать супругами, создать семью искренним, взаимным и свободным. Прошу ответить Вас, невеста.

Женщина обратила взгляд на Эс.

— Да, — незамедлительно ответила девушка, в голосе которой была заметна дрожь.

— Прошу ответить Вас, жених.

— Безусловно, да, — ответил Майкл и устремил свои глаза, полные счастья и предвкушения, на Эсми.

— С вашего взаимного согласия, выраженного в присутствии свидетелей, ваш брак регистрируется.

Зазвучала неизвестная мне музыка.

— Подойдите к столу регистрации и своими подписями скрепите ваш семейный союз.

Регистратор указала пальцем на место в документе, где будущие муж и жена, а также их

свидетели, то бишь я и Анна, должны поставить подписи. После этой процедуры мы заняли прежние положения.

— Прошу вас в знак любви и преданности друг другу обменяться обручальными кольцами.

Вновь музыка захватила власть в помещении. Трясущимися руками молодожены одели друг другу кольца. В этот момент я крепко схватил Анну за руку. Она вздрогнула.

— Ну что же, теперь я объявляю вас мужем и женой. Жених может поцеловать невесту. Не успев дослушать до конца уже вырепетированную речь сотрудника регистраций браков, Майкл повернулся к Эсми и одним движением рук аккуратно наклонил ее, после чего сдержанно поцеловал.

Все присутствующие двинулись с места и начали вновь поздравлять молодоженов. Вскоре я и Анна тоже присоединились к ним.

После небольшой фотосессии приглашенные на торжество вместе с новоиспеченными отправились в ресторан, который давно был готов к принятию гостей. Майкл, Эсми, я и Аннабель сидели в одном лимузине и выпивали шампанское за счастье моих друзей.

— Я так рад, что ваша давняя мечта скрепить союз свершилась именно в такой период нашей жизни, когда все пришло в норму, — я поднял бокал. — Уверен, что вас ждет самое лучшее и светлое будущее, в котором не будет существовать никого, кроме вас двоих, поэтому я желаю, чтобы ваша история любви никогда не заканчивалась.

Эсми и Майкл улыбнулись, и наша компания с криком «Ура!» выпила залпом содержимое бокалов.

— Теперь я! — воскликнула Аннабель, и все притихли, слышался только шум мотора лимузина. — Знаете, когда мы впервые встретились, я уже тогда поняла, что передо мной вершится настоящий каламбур из чувств, носителями которого являетесь вы, — она указала на молодоженов, которые засмеялись. — Это удивительно, когда человек может наблюдать за счастьем других людей, которые заряжают настроением и положительными эмоциями, этот человек я, и я невероятно счастлива, что судьба свела нас всех таким образом. Несмотря на малый период общения, мы столько пережили вместе, и это так важно и ценно для меня. Я желаю вам не растерять ту пылкую искру в отношениях, а только разжигать настоящий пожар из той любви, которую вы храните в своих сердцах по отношению друг к другу.

Эсми взяла за руку Анну и взглядом поблагодарила, то же самое сделал Майкл. Вновь наполнив бокалы, мы сделали глотки напитка.

Ресторанный комплекс находится чуть ли не за городом, поэтому путь был долгим. Наконец мы прибыли на место. Все присутствующие опять кричали и хлопали в ладоши, поздравляя Майкла и Эс, мы присоединились к этой массе.

Вокруг помещения, в котором должно будет пройти свадебное событие, были установлены пеньки, на которых стояли банки, а внутри них горели свечи, различные мелкие и крупные гирлянды украшали уличное пространство.

Все вошли в ресторан, стало теплее и уютнее. Светлое и просторное помещение воплотило все желания моих друзей до безобразия идеально.

Натуральное дерево, хвоя, шишки, спокойная и сдержанная палитра и, конечно же, искусственный белоснежный снег на окнах, стенах и потолке, — все это как нельзя лучше подчеркивало индивидуальность зимней свадьбы. Огромный камин, установленный в центре

боковой стены, украшенный различными огоньками и искусственными травами, увеличивал масштабы места. Уместным также были свечи, шары из ротанга, ветки хвойных деревьев, голые веточки и яркие ягоды.

На столах центральной композицией опять же были свечи, оттенок серебра и природной естественности исходил от столовых приборов и интерьера ресторана.

— Норман, это так красиво! — оглядываясь, восхитилась Анна, когда мы уже присели на стулья.

— Согласен, — улыбнулся я.

— Ты бы хотел зимнюю свадьбу? — неожиданно спросила девушка.

Я хитро прищурился, затем поцеловал Анну и сказал:

— Если невестой будешь ты, то плевать, в каком стиле и где мы поженимся.

Она засмеялась и чмокнула меня в щеку.

Тамада начал свою речь с приветствия гостей и поздравления моих друзей. У входа я заметил маму. Направился к ней.

— Очень рад, что ты пришла, — улыбнулся я и приобнял ее.

— Как же я могла пропустить свадьбу твоих друзей? Где они?

Я проводил ее к Эми и Майклу, а сам отправился к Анне.

Несколько часов мы уплетали вкусности, которые, не переставая, выносили официанты, танцевали, выполняли различного рода конкурсы, чего только не происходило.

Смеркалось. Мои друзья уже исполнили свадебный танец жениха и невесты, который оказался очень нежным и трогательным. Анна спела небольшую песню в честь молодоженов, я даже и не знал, что моя девушка обладает таким красивым голосом, способным на пение, за это мне стало немного стыдно.

Я заметил, как у входа появились родители Аннабель.

— Ты пригласила их? — спросил я у девушки.

— Можно было? — смутилась Анна, оглядывая на двери в ресторан.

Я обнял ее со всей нежностью и искренностью, которые испытываю на данный момент, потом шепнул на ухо:

— Я так горжусь тобой. Иди, встретить их.

Почувствовал легкую улыбку на губах девушки. Она встала и побежала к родным. Троица заключила друг друга в объятия, это заставило меня расплыться в широкой улыбке. Моя умница.

Пришла очередь произносить речь родителей жениха и невесты. Обе семьи вместе поднялись на небольшую сцену, установленную рядом с камином и украшенную гирляндой и шишками. Каждый из родных в слезах и со всхлипами пожелал счастья и всего самого наилучшего своим детям. После этого Майкл, Эс и их родители обменивались поцелуями и повторными поздравлениями.

Я невольно бросил взгляд на маму, сидевшую напротив. Мы улыбнулись друг другу.

— У тебя очень красивая спутница, — сказала она, затем посмотрела в сторону Анны, которая о чем-то беседовала с Эми и другими девушками.

— Не то слово, — ухмыльнулся я, продолжая смотреть на Аннабель.

Заиграла медленная музыка. Я решил воспользоваться моментом и направился к своей любимой.

— Потанцуем? — любезно поинтересовался я и взял Анну за руку.

— С удовольствием, — засмеялась она.

Мы начали двигаться в такт музыке.

— Самая волшебная свадьба из всех, что мне приходилось видеть, — сказала напарница.

Я прижал ее ближе к себе, Аннабель положила голову мне на плечо. Возникло ощущение, что этим движением она потянула за рычаг, который дал начало возобновлению приступов нарколепсии.

Щелчок.

Головокружение. Боль и шумы в голове. Потеря ориентации. Жесткое падение. Крики.

Все произошло слишком быстро, резко и неожиданно.

Открываю глаза и вижу косые взгляды, направленные в мою сторону. Вокруг меня сидели мама, Майкл, Эсми и какая-то девушка.

— Норман, мы уже вызвали скорую! — воскликнула Эс.

Я лежал головой на коленках мамы. Ее слеза маленькой капелькой упала мне на лицо. Она быстро протерла глаза и уставилась на меня.

— Все случилось слишком быстро, — шепнула она.

— Я это понял.

— Я так испугалась! — со всхлипом крикнула незнакомая девушка и кинулась ко мне на грудь.

— Извините, но... Кто Вы? — я недоумевал, кто это, и с какой стати она так реагирует.

Медленно подняв голову, новая порция слез наполнила ее глаза.

— Норман... — прошептала она и села.

Я аккуратно встал и огляделся.

— Чувак, ты забыл ее? — спросил Майкл.

— О ком ты?

— Об Анне, — пояснила Эс.

— Да что вы все несете?! — проорал я. — Я не знаю никакой Анны!

Эта девушка, судя по всему Анна, встала.

— Ты правда меня не помнишь? — едва слышно спросила она.

Я неуверенно пожал плечами. Девушка закрыла лицо руками и убежала из помещения.

— Подожди, мы можем поговорить! — воскликнул я и кинулся за ней. Куча народу побежала за нами. Нетерпеливые наблюдатели.

— Извини, я не хотел тебя обидеть! — кричал я, продолжая бежать за Анной.

Она остановилась на дороге. Я тоже остановился в нескольких метрах от девушки.

Бледная, вся в слезах, с размазанным макияжем и растрепанной прической она смотрела на меня.

— Я правда не знаю... Не помню, кто ты такая, — кое-как проговорил я, извергая теплый пар изо рта в морозное окружающее пространство.

Неожиданно из-за поворота выехал черный пикап.

— Анна, осторожней!!! — проорал я и кинулся к трассе, но было уже поздно. Машина столкнулась капотом с телом несчастной девушки.

Лишь громкий крик послышался от нее. Анна лежала, истекая кровью на асфальте, покрытым инеем и, теперь, алой жидкостью.

— Нет! — крикнул я и побежал быстрее.

Машина, переехав девушку, на огромной скорости удалялась от места происшествия. Не успев настигнуть сбитую Анну, я упал на колени и схватился за голову. Дикая и острая боль пронзила меня с ног до головы. Маленькие непонятные иллюстрации стали возникать перед глазами. Я громко закричал, казалось, что мой мозг, подобно бомбе, скоро взорвется от переизбытка информации. Все забытое вернулось обратно в сознание. Ненавистные и неприятные ощущения прекратились. Я открыл глаза и по-новому взглянул на происходящее.

Но среди ночи он проснулся и крепко прижал её к себе, словно это была вся его жизнь и её отнимали у него. Он обнимал её, чувствуя, что вся жизнь в ней, и это на самом деле было так.

Э. Хэмингуэй «По ком звонит колокол»

— Она выкарабкается? — спросила мама у врачей, за которыми мы бежали по белоснежному длинному коридору.

— Мы сделаем всё, что в наших силах. Оставайтесь здесь! — рявкнул один из них.

— Можно мне войти? — почти простонал я, уже направляясь в операционную, но сотрудник больницы остановил меня со словами:

— Успокойтесь! Держите себя в руках, иначе только усугубите ситуацию.

Я медленными шажками начал отдаляться от реанимации.

— Норман, присядь, — мама взяла меня за локоть, но я одернул её руку. — Милый, не терзай себя, это не твоя вина...

— А чья?! — воскликнул я. — Чья же это вина, мама? Пострадал дорогой мне человек, и если даже с ней всё будет в порядке, я никогда себе этого не прощу.

— Но ты же не в состоянии контролировать приступы.

— Да какая уже разница?! Ты понимаешь, что произошло? Аннабель при смерти, очнись! Я не могу сейчас думать ни о чём, кроме как о её благополучии, — я тяжело плюхнулся на твёрдый стул и прошептал: — Я лишь жалкое подобие человека, которое не сможет сделать счастливым никого в своём окружении. Никогда.

Зарылся руками в волосы. Вспомнил прикосновения нежных рук Анны, ласковый голос, который действовал на меня лучше любых седативных, яркие выразительные глаза, в глубине которых я тонул каждый раз, когда смотрел в них. От этих воспоминаний стало только хуже. Уже в течение получаса, с того момента, как память вернулась, я не чувствую своего тела, не слышу собственный голос... Произошедшее повергло меня в шок.

В другом конце коридора показались две фигуры, которые неслись сюда со всех ног. Я сразу же узнал их — родители Анны. Этого мне ещё не хватало.

— Что сказали врачи? — впопыхах спросила миссис Льюис.

— Попросили подождать здесь, пока они будут проводить операцию, — незамедлительно ответила мама. — Вы простите нас, ради Бога.

— Мы всё понимаем, — сказал отец Аннабель, жена которого только бросила на нас презрительный взгляд, затем с отвращением отвернулась и ближе подошла к двери реанимационной.

Как же я виноват. Перед всеми, абсолютно перед каждым человеком, которые рядом в данный момент. Перед мамой, потому что половину своей жизни она потратила на меня, помогая с трудностями, которые мне преподносит нарколепсия. Перед невинной девушкой, которая сейчас лежит в комнате напротив и истекает кровью, та, из-за которой я потерял голову и влюбился, напрочь забыв обо всём, что происходило ранее. Перед родителями Анны, ведь им сейчас приходится труднее всего, потому что единственная дочь, которую они холили и лелеяли, находится на грани жизни и смерти.

И, конечно же, как я мог забыть о других оскорбленных мною людях? Эсми и Майкл. Я всегда всё порчу именно тогда, когда в их жизни происходят самые значимые моменты. Уже

не представляю, как заглаживать свои постоянные промахи. Кое-как отговорил их от затеи приехать сюда вместе с нами.

В операционной слышались нервные и яростные крики врачей. С каждым словом, которое вылетало с соседнего помещения, я вздрагивал, вскакивал с места или же просто ворчал.

Никогда в жизни я не чувствовал себя настолько виноватым. Невольно задумался о том, что, если бы я оказался на месте своей девушки в ту роковую секунду, было бы не так досадно и отвратно на душе. Мой срок годности давно истёк, с симптомами и каждодневными приступами, сопровождающими болезнь, я долго бы не протянул, ведь такое не может продолжаться до бесконечности. Ох, почему человек не может просто вернуться назад и исправить любой момент из своей жизни? Готов отдать всё, что угодно, только пусть Аннабель выживет. Я не готов потерять её.

Миновало несколько часов, а мы продолжали сидеть в ожидании вердикта врачей. Мне казалось, будто я побледнел настолько, что скоро сольюсь с оттенком цвета больничной стены, мама и миссис Льюис истратили гору салфеток, уборщица несколько раз подходила к нам и меняла мусорный контейнер, отец Аннабель просто сидел, уставившись в воображаемую точку на противоположной стене коридора. Каждый из нас переживал, а я вдобавок к волнению испытываю невероятный стыд, потому что, если бы не я и моя поганая болезнь, то ничего бы не произошло.

Наконец, дверь открылась, и вышел врач, вытирая руки и вспотевший лоб. Вид крови никогда не пугал меня, потому что часто сдаю анализы, но почему-то сейчас я не мог смотреть на руки доктора, поэтому отвернулся. Осознание того, что этими руками он оперировал Аннабель, пугало и нервировало. Выражение его лица ясно давало понять, что новости буду плохие, но я не представлял, что до такой степени...

— Мне жаль, — очень тихо и с осторожностью сказал доктор. — Девушка потеряла слишком много крови, к тому же различного рода переломы и сильное сотрясение дали о себе знать. Мы попытались, но оказалось слишком поздно. Приношу свои соболезнования.

Он удалился обратно, и я услышал громкий голос:

— Время смерти: четыре часа пятьдесят семь минут. Увозите тело.

Слёзы начали заполнять пространство моего лица, дрожь вновь охватила всё тело с ещё большей мощностью, ноги подкосились, и я упал на пол, при этом, не закрывая глаз. Яркая лампа светила так сильно, что любой бы прикрыл веки, но я смотрел на неё, смотрел, не отрываясь.

Я потерял её. Навсегда потерял. Мы так мало были вместе и так много не успели. Продолжая смотреть на потолок, я вспоминал улыбку и смех Анны, постоянный свет и позитив, которые она излучала, искреннюю поддержку, прогулки, душевные разговоры.

— Она нравится тебе? — спросила Аннабель, кладя свою миниатюрную ручку на мою, которая гладила поясницу девушки.

— Ты имеешь в виду тату или твою безупречную спину? — улыбнулся я.

— Ты знаешь, что я имею в виду, — после усмешки пояснила Анна.

— Да, мне нравится.

— Я так и знала! — засмеялась она и ущипнула меня за сосок.

— Значит так? — рявкнул я и накинулся на Аннабель с щекоткой.

Она, как пиявка, начала вертеться и уваливать от меня и, в конце концов, оказалась на

краю кровати.

— Норман, перестань, — визжала девушка, продолжая дико смеяться, после чего упала на пол.

Я пододвинулся ближе к краю.

— Ты как?

Анна продолжала хохотать, казалось, что она сейчас задохнётся. Наблюдая за тем, как несчастная девушка валяется на полу и не может успокоиться, меня тоже охватил приступ смеха. Через некоторое время я всё же помог ей забраться обратно, затем прижал к себе.

— Я так люблю тебя, — прошептал я. — Не представляешь, как люблю.

— Представляю...

Белый свет продолжал слепить глаза, теперь всё пространство заполнял лишь он. Я не готов возвращаться в реальность, поэтому оставался в заключении шока, который поверг меня. Передо мной возникали многочисленные картинки из прошлого, которые с каждым появлением давили и сжимали сердце так сильно, что хотелось взвыть, но я будто потерял дар речи.

Мама что-то говорила, но я не мог разобрать слов никого из присутствующих.

Единственное, о чём я думаю, так это о смерти Аннабель. Смерть. Необратимый процесс, противостоять которому не может никто, и она слишком быстро захватила в свой плен Анну. Непонятные чувства смешались внутри, они душили меня, обвилились вокруг шеи настолько сильно, что любой давно бы задохнулся, но я и этого не чувствовал. Я растерял все эмоциональные рецепторы.

Казалось, будто внутри меня что-то разрывается. В голове засела лишь одна фраза: «Я потерял её». Боль и только это чувство, которое я ощущаю от столь глубокой потери, корнями впиалась во все органы и мышцы моего организма.

Внезапно я что-то почувствовал. Мать Аннабель начала бить меня своей сумкой и кричать о том, что угробил судьбу их дочери, и всю жизнь буду страдать из-за этого. Мистер Льюис оттащил её на несколько метров. Моя же мама закрыла меня спиной и с гневом и яростью проорала:

— Никогда не смей приближаться к моему сыну, поняла?!

— Твой ублюдок уже давно мертв, неужели ты этого не понимаешь?!

Я медленно повернул голову на бок. Мама дёрнулась с места, подошла к своей оппонентке и дала ей пощечину, звук которой эхом донесся до меня.

— Оставь их, — попросил я.

Всё же мама Анны права. Я давно прогнил насквозь, и как бы меня не ненавидели люди, я презираю себя гораздо сильнее.

Вновь минувшие три года, самые тяжёлые для адаптации к нарколепсии, вернулись, напоминая ощущения отвращения к себе.

Вдруг меня передёрнуло. Я вспомнил ещё одного виновника этой трагедии. Крис. Мразь, которая безжалостно переехала на своём пикапе мою Аннабель. Он сделал это намеренно, это абсолютно точно. Я вскочил с места.

— Норман, что такое? — обернулась мама.

Махнув рукой, выбежал из больницы. Буквально за несколько минут добрался до дома. Направился в спальню, заглянул под кровать. Под ней уже несколько лет скотчем был приклеен пистолет Colt M1911, который я приобрел ещё до болезни с целью самозащиты.

Оторвав его, направился в место, в котором должен находиться Крис. По крайней мере, я так думал.

Кольт спрятал под рубашку в поясе. Не думая ни о чём, кроме как о мести, чуть ли не бежал в бар, в который однажды будущий мертвец водил Аннабель. Тёплый воздух выходил изо рта, образуя большие облака пара, я не обращал внимания на холод. Преследуя единственную цель, забываешь обо всех факторах или причинах, стоящих у тебя на пути.

Звук моторов железных скакунов байкеров и громкие разговоры буйволов этого района дали мне понять, что я близок к этой забегаловке. Ещё в тот день, когда Крис и Аннабель проводили здесь вечер, я успел заметить чёрный вход, к которому теперь направляюсь. Осторожно обходя людей, прильнул к стене. Медленно начал передвигаться вдоль неё, но на секунду остановился и прислушался. Тихие стоны доносились до меня. Я заглянул за угол. Увидел картину, которая несколько меня не удивила: Крис трахался с какой-то шлюхой, которая негромко выкрикивала его имя и просила не останавливаться. Мерзость.

Я вышел из-за угла, чтобы они смогли увидеть меня, и откашлялся, чтобы смогли услышать.

— Уходи отсюда, — приказал я девушке, которая, одёргивая коротенькое платье, кинулась в помещение бара.

— А, это ты? — вытирая рот и застёгивая штаны, с ухмылкой произнёс парень.

— Ничтожество, — процедил я. — Ты понимаешь, что натворил?

— Дай подумать, — он приложил большой палец к губам, затем широко улыбнулся. — Не припоминаю...

— Давай напомню! — воскликнул я, вытащил пистолет и направил его на Криса.

— Какой грозный, — рассмеялся он, но сделал несколько шагов назад и приподнял обе руки вверх.

Слабая дрожь пронеслась по руке. Убить человека? Я не способен на такое, но он заслужил смерть. Лишь избавлю мир от этой твари.

С этой мыслью сделал выстрел и зажмурился. Бездыханное тело Криса упало на землю. Я подошёл ближе. Вновь нажал на курок, но попал уже в голову. Следующий — в сердце. С каждым выстрелом тело парня приподнималось и опускалось, а я потерял контроль. Уже перестал считать количество пуль, которые безжалостно пронзали плоть ублюдка.

Слишком громкий звук начал отражаться в голове, тогда я прекратил процесс и прижался телом к стене. Уронил кольт на землю, опустил на корточки. С наслаждением наблюдал, как парень истекает кровью. Слабая улыбка появилась на моём лице, но вскоре начала угасать.

Аннабель я этим не вернул... И никогда не верну. Я навсегда останусь в одиночестве, проклиная себя за то, что не смог уберечь первую и последнюю любовь в своей жизни. Уверен, что это чувство в скором времени сожрёт меня с потрохами. Я уже начал медленно разлагаться внутри, убийство Криса лишь добавило боли и напомнило о случившемся.

Бросив взгляд на пистолет, задумался. Мысли улетучились в непонятный и неизвестный мне мир, покрытый темнотой и негативом. Взял оружие в руку. Направил на себя. Холодный металл соприкоснулся с виском моей головы так, что я вздрогнул.

Прокрутил ещё раз события, произошедшие за эти сутки и, не раздумывая, выстрелил.

Если я — часть твоей судьбы, когда-нибудь ты вернешься ко мне.

П. Коэльо «Алхимик»

Я открываю глаза. Лучи полуденного солнца едва касаются моей постели. В теле чувствуется некий дискомфорт. Переведя глаза на пол, взгляд остановился на разбросанных коробках модафинила. Проходит минут пять перед тем, как я осознаю, что со мной произошло.

Аннабель. Путешествие. Свадьба. Убийство Криса...

Пот струями бежал по моему телу. Дыхание сопровождала тяжёлая одышка. Руки тряслись, голова раскалывалась.

Я лежал в кровати. Выглянул в окно. Солнце палило со всей мощностью, которое накапливается до наступления лета. Но сейчас зима. Какого чёрта?

Неужели сон? Это невозможно.

Набрал телефон Майкла, может, он объяснит, в чём дело.

— Привет, — это была Эсми.

— Эс, где Майкл?

— Он в душе, что-то случилось, Норман?

— Да... То есть, нет. Вы простите меня.

— За что? — с недоумением спросила подруга.

— За что? За испорченную свадьбу.

Я услышал смех на том конце провода.

— Какую свадьбу? Ты в порядке?

Я сбросил. Рванул в ванную, включил холодную воду и промыл лицо. Значит, сон?

Быстро принял душ и снова прилёг на кровать. Подобрал коробку модафинила. Она оказалась пустой. Я не мог принять всё за раз... Теперь ясно. Долгий и реалистичный сон был вызван препаратом, который я принял в таком количестве.

На некоторое время, увлечшись мыслями, мой организм поддался сну.

Проснулся от громкого звонка в дверь, который, как можно догадаться, установила мама с целью того, что я точно услышу его. Пришлось подняться с кровати и пойти проверить, кто там.

Мама. Почему-то я даже не сомневался.

— Не следовало вчера так убегать, — строго произнесла она, пока раскладывала продукты и необходимые препараты по полкам.

— Гхм... — промычал я, уставившись в точку на полу.

— Что случилось? — спросила она и взяла меня за подбородок.

Я решил полностью удостовериться в том, что всё произошедшее оказалось сном и задал вопрос:

— Скажи мне, пожалуйста... Отец ведь умер, не разрабатывая свой проект, а из-за кое-чего другого, так?

Мама присела на стул.

— С чего ты взял? — немного с усмешкой, но с заметным волнением спросила она.

— Если я скажу, ты не поверишь...

Я расположился на соседнем стуле. Мама ждала ответа.

— Мне приснился сон, и...

— Норман! — воскликнула мама. — Сны — это иллюзии, ты с ума сошёл? Не пугай меня так больше.

— Но ты не ответила.

Собеседница смутилась и заёрзала на стуле, но в итоге, заикаясь, призналась в том, что скрывала от меня столько лет. Я уже не чувствовал себя настолько разбитым, как тогда, в состоянии сна, но некий осадок всё равно образовался где-то в глубинке души.

— Ты прости меня... Нас.

— Уже всё хорошо, мам.

— Ты уверен? Можем поговорить об этом, — на её предложение я отрицательно покачал головой. Мама с удивлением посмотрела на меня и замолчала.

— Так что за сон? — немного позже спросила она и встала, чтобы продолжить разбирать покупки.

— В нём столько всего смешалось, но самое главное, что я был очень счастлив, — ответил и улыбнулся.

Мама подошла ближе и взглянула мне в глаза.

— Сынок, сны — это отображение наших чувств, понимаешь? Я где-то читала, что во время сна мы просматриваем те или иные события, которые были, есть или будут происходить, тем самым подтверждается работа твоего мышления, а значит, болезнь не до конца заглушает твои эмоции.

— Мам, мне кажется, что это всё передозировка модафинила повлияла на столь реалистичный сон, а не какая-то работа моего мышления, — усмехнулся я.

Она шлёпнула меня по затылку.

— Ай, — процедил я.

— А я говорила тебе не принимать такие препараты больше, чем нужно? Никогда меня не слушаешь! — она повысила голос.

Через некоторое время, немного остыв, мама сказала:

— И всё же, я верю в вещие сны, потому что тот второй мир, в котором мы живём, сами того не подозревая, построен на наших же интересах и предпочтениях.

Её слова заставили меня задуматься. Может, мама и права, но я не поклонник всех этих сказок.

— Мама... — начал я, она обернулась. — Ты не против проведать могилу отца?

— Ты хочешь этого? — опешила она, и я кивнул.

Заглянув в придорожный цветочный магазин, мы отправились на кладбище. Несмотря на солнечную погоду и высокую температуру, приближаясь к могилам тысячи людей, повеяло холодком и неприятными ощущениями.

Ограда, установленная вокруг могилы моего отца, всегда отличалась аккуратностью, ведь мама ежемесячно приходит сюда и проверяет каждый миллиметр.

Она подошла ближе к могиле, что-то прошептала, поцеловала свою ладонь, затем соприкоснулась ею с надгробием. Мы положили цветы и присели рядом на скамейку. Мама опустила голову мне на плечо и тихо спросила:

— Ты помнишь, каким он был?

— Конечно, я помню, всегда буду помнить, как бы сильно не прогрессировала нарколепсия.

— Всегда, — прошептала мама.

Теперь, прогуливаясь по солнечному Конкорду, смотрю на улицы, людей и природу совершенно по-другому. Этот сон придал мне уверенности и мудрости, благодаря которым

стараюсь не думать о симптомах.

Девушка, с которой я был готов разделить свою жизнь, но во сне, преследовала мои мысли каждый день. Я вспоминал каждое её прикосновение, улыбку и всё, что нас тогда связывало.

Независимо от желания, ноги сами привели меня к тому месту, с которого началось моё первое знакомство с Анной Льюис в альтернативной реальности. Я остановился на некоторое время, чтобы просто рассмотреть её. Ту совершенную девушку, которая свела меня с ума в воображении. Аннабель сидела в своём несчастном ларьке и раскладывала товар по полкам. Я направился к ней.

— Привет, — сказал я, поражаясь своей смелости.

— Привет, — вздрогнув, ответила она, посылая мне ту самую искреннюю улыбку, в которую я влюбился с первых минут, как только увидел. — Могу чем-то помочь?

— Пачку Malbogo, пожалуйста.

— Конечно, — на мгновение она удалилась.

Заплатив и спрятав сигареты в карман, продолжал стоять, как идиот, и пялиться. Я увидел усмешку, которую не смогла подавить в себе Анна.

— Что-нибудь ещё? — с интересом спросила она.

— Твой номер телефона, если можно...

Человек сам строит фундамент своего будущего. Очень важно ценить свою жизнь, а не просто плыть по течению, присматриваясь только к "берегам жизненной суеты". Каждый из нас обязан жить, терпя промахи и неудачи. Если сидеть на месте и ждать чудес, которые никогда не достигнут тебя просто так, то жизнь превратится в обычное существование, но мы рождены не для этого.

Если на пути к твоему счастью лежат препятствия в виде болезней или же обстоятельств, то не стоит забывать о борьбе за своё благополучие. Уметь держать удар, значит обладать целеустремлённостью.

Нельзя бояться принимать решения, брать на себя ответственность выбора, иначе судьба не будет зависеть от его обладателя. Все люди — огромные сгустки энергии, большие механизмы, в которых с рождения заложена функция программирования себя, и, если не прилагать усилия для того, чтобы быть свободным, счастливым и независимым, то можно продолжать прозябать в своём эфемерном внутреннем мире до скончания времён.

Жизнь — это движение, в любых его проявлениях.

Больше книг на сайте — Knigolub.net